

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

СТРАХ НИКОГДА НЕ СТАРЕЕТ

ОН — РАССЛЕДУЕТ ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО ЕЕ ОТЦА.
ОНА — ЕГО ГЛАВНЫЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ...



Преступление в большом городе. Современный детектив

Геннадий Сорокин

Страх никогда не стареет

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Страх никогда не стареет / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2021 — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

ISBN 978-5-04-115864-4

Захватывающий детективный роман о времени, когда «жить или умереть» решают уже не баснословные деньги, а претензии детей на право быть важнее родителей, стремление управлять стратегическими вопросами государства. И ради этого хороши все средства – от пули снайпера до рецепта старинного яда... Он ей явно симпатизирует. И вовсе не из-за того, что она – дочь известного олигарха и сенатора, и не потому, что у нее шикарный дом и крупный счет в банке. Просто ему с ней интересно. Она привлекательна, умна, умеет вести себя в любой компании. Из них, наверное, получилась бы хорошая пара, если бы не одно «но»... Он, подполковник МВД Александр Клементьев, должен расследовать загадочное убийство ее отца, произошедшее накануне подписания важного государственного контракта. И самое страшное то, что именно она – главный подозреваемый в этом преступлении...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115864-4

© Сорокин Г. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	20
3	32
4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Геннадий Геннадьевич Сорокин

Страх никогда не стареет

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сорокин Г.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

1

– Мне это не нравится, – сказала жена.

Ну и что? Мне тоже многое в жизни не очень-то нравится, но это не повод для бурного проявления эмоций в раннее субботнее утро.

– Ты слышал, что я сказала? – жена где-то в коридоре перед зеркалом наводила марфет, попутно прислушиваясь к работающему на кухне телевизору. В сложном процессе подведения глаз ей просто необходимо было оторвать меня от первой чашки утреннего кофе.

– Таня, мне это тоже не нравится. – Я сделал телевизор громче. – Подожди минуту, я хочу послушать еще раз.

Словно вняв моей просьбе, диктор на фоне обычного девятиэтажного дома, около которого сновали туда-сюда сотрудники милиции, из-за кадра сообщила:

– Вновь к главной новости. Вчера, около восьми часов вечера, в одном из «спальных» районов Новосибирска при выходе из подъезда вот этого дома выстрелом из снайперской винтовки был убит член Совета Федерации Ралиф Сарибеков. Ралиф Худатович в прошлом известный бизнесмен, основатель и руководитель «Сибирской инвестиционной компании». По данному факту прокуратурой возбуждено уголовное дело, ведется расследование.

Последняя фраза в репортаже, по мнению редакторов новостных программ, должна была вселять в зрителей оптимизм – мол, всё будет хорошо! К расследованию приступили, значит, порядок наведут, а убийство сенатора – дело третье, досадная неприятность.

Что бы ни случилось в нашей стране, прокуратура всегда бойко возбуждает уголовные дела и приступает к расследованию. Даже там, где расследовать вроде бы нечего, например, случилось наводнение или оползень – явно природные катастрофы, всё равно возбуждают дело и приступят к поиску виновного. Что потом они делают с этими уголовными делами – загадка. Может, без лишнего шума, сдают на макулатуру? Во всяком случае, о направлении таких дел в суд молчат. Видно, направлять нечего. Рапортовать о возбуждении – не расследовать, большого ума не надо.

– Я же сказала тебе, мне это не нравится, – напомнила о себе жена.

– Что не нравится? Что убили сенатора? Он что, твой знакомый?

– Не ерничай. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. В прошлый раз по телевизору сказали про убийство какого-то директора завода, и я тебя не видела месяц.

– Не директора, а главного инженера. К тому же не месяц, а...

В коридоре зазвонил телефон.

– Как пить дать тебя! У меня сегодня с утра предчувствие!

– Оставь предчувствие себе. Да!

– Скажи честно, – мужской голос в трубке был приторно мягок и заботлив, – ты уже намазал маслом бутерброд? Налил чашечку бодрящего кофе? Стукнул вареным яичком о стол? Еще нет? Тогда и не надо. На работе кофе попьешь. Шеф ждет тебя. К девяти ждет.

Я посмотрел на часы. Семь тридцать утра. Когда я доберусь до работы, Сергей Павлович, оперативный дежурный, который звонил мне сейчас, будет сдавать смену, и я его не увижу. Так бы я ему высказал про кофе с маслом. Впрочем, он необидчив и начисто лишен чувства юмора.

– Только не говори, что это я накаркала. Тебя на работу? Прямо сейчас? Позавтракать успеешь?

– Милостиво разрешили умыться. Скажи мне, почему какой-то сволочи необходимо было стрелять этого сенатора именно в пятницу вечером? Ни раньше, ни позже! Им что, профсоюз киллеров запрещает работать по выходным? Стреляли бы в воскресенье. Все равно в понедельник на работу. Нет же, отметили конец трудовой недели. Мать его! Что мне, что сенатору, выходные испортили.

– Успокойся. Машину ты возьмешь?

– Нет, забирай. Я так доеду. Кстати, с чего это ты решила, что это из-за сенатора? Может, покойник тут и ни при чем? Может, они в Новосибирске сами разберутся, кто там у них такой прыткий. Только вышел сенатор на крыльцо... Кстати, вышел он из совершенно обшарпанного подъезда, прямо как у нас. Негоже сенаторам по таким подъездам шастать. Как пролетарий какой-то. Ладно, я умыться пошел! Кстати, ты во сколько придешь?

– Лекции закончатся к двум. Потом с девчонками попьем чай. Ты что, забыл, что мы по субботам на кафедре пьем чай? Нет? Где-то около пяти вернусь. А что?

Но я уже пустил в ванной воду и достал зубную щетку.

Вот объяснил бы мне кто-нибудь, почему в стране, где нет никакого сената, есть сенаторы? Почему в стране, где девяносто лет нет никаких губерний, есть губернаторы? Их что, в революцию пострелять забыли? Так с тех пор и работают? Да ладно! Что придирается по мелочам. Я вообще бог знает где тружусь. Но, с другой стороны, штабс-капитаном белогвардейской контрразведки себя не именуя.

Где-то сквозь шум воды раздался недовольный голос разбуженной дочери. Ей сегодня в школу к десяти, могла бы еще поспать. Но кто ее будить будет, если все уйдут? Проспит еще.

Быстрые сборы. Традиционный поцелуй жены у двери. «Пока, папа!» – от дочери. Шаг за порог – день 22 мая 2010 года начался.

На общественном транспорте до работы мне ехать минут тридцать. Утром пробок нет, и пассажиров по случаю субботы тоже немного. Но ведь куда-то же едут! Не сидится людям дома! Ладно я. У меня работа такая. А они? Да, о работе. Работаю я все там же, в шестнадцатом (закрытом) управлении министерства внутренних дел. Занимаюсь все тем же, преступлениями и преступными посягательствами в сфере авиационной промышленности. Промышленный шпионаж, саботаж, диверсии, уголовные преступления и всё такое, что имеет отношение к производству всего, что имеет крылья и летает. Загнул. Каюсь. Немного не так. Ведь существуют же птицефабрики. На них выращивают, то есть производят, кур. У кур и петухов есть крылья, и они немного летают. Но они не по моей части. Это для милиции. У меня же звание «подполковник внутренней службы». Должность – старший оперуполномоченный отдела двигателестроения. Правда, в служебном удостоверении у меня написано, что я подполковник милиции и старший научный сотрудник Северо-Западного НИИ МВД РФ. Но это не важно. Главное, что я и тут, и там старший. Это льстит самолюбию. А то, что нашего научного института не существует в природе, знают только посвященные.

Я как-то прикидывал, как бы замаскировать спецслужбу так, чтобы она была у всех на виду, но никому не известна. Чтобы ее сотрудники легально у всех на виду работали, но чем они занимаются, никто не знал. И главное, чтобы никто не интересовался характером их работы. Чтобы они были сотрудниками силового ведомства, но как бы не настоящими. Чтобы могли в любое время выехать в командировку и выглядело бы это очень обыденно.

Самое лучшее прикрытие – это научно-исследовательский институт. Чем занимаются люди в этих институтах, никому не ведомо, что разрабатывают – неизвестно. А главное, работа их никому не интересна. Представьте, что я официально занимаюсь проблемами современной криминологии – изучаю динамику и характер преступности. Эта ахинея может вызвать интерес только у профессора криминологии. Но я, слава богу, за десять лет работы такого умника не встречал. Самое главное, среди моих знакомых никто, гарантированно никто, не сможет объяснить, чем криминология, да еще современная, отличается от криминалистики. И мало кто в нашем городе, где нет юридического института, сможет это объяснить.

С другой стороны, научно-исследовательская деятельность предполагает командировки на всякие нудные совещания, симпозиумы, конференции. От любопытства знакомых идеальное прикрытие. Всегда можно соврать, что, мол, вызывали в Москву выступать с докладом в Академии МВД. А тему доклада долго ли выдумать? Могу прямо сейчас выдать, к примеру:

«Тенденции роста хищения цветных металлов в промышленных центрах Уральского региона. Причины. Следствия. Рекомендуемые меры реагирования». Умно? Конечно. А главное, не понять, о чем это.

Но сразу же оговарюсь. Скорее всего, в системе МВД России есть институт, где занимаются именно такой тематикой, пишут мудреные научные трактаты и получают за это неплохую зарплату. Хотя кому это надо, я искренне не знаю. Просто не представляю.

О характере моей работы, конечно же, знает жена. Но по обоюдной и давней договоренности, она в мои дела не вникает. Как и я в ее. Ей мои дела интересны только с финансовой точки зрения, технической исправности совместного автомобиля и командировок. Последние стоят особняком. Они для жены просто бальзам на душу. Луч света в темном царстве быта! Хотя она это мастерски скрывает. Временами мне кажется, что у нее незаурядный актерский талант. Врет она легко и складно. Проведя время с очередным молодым любовником-студентом, так опишет заседание научно-методического совета, где якобы были жаркие дебаты, что поверишь и перепроверять не станешь. А я однажды стал.

Как-то года полтора назад я, как в анекдоте, вернулся из командировки на сутки раньше. Но напрямик направился не домой, а в контору, писать отчет. Командировка выдалась провальной, и начальство жаждало испить моей крови. Настроение у меня было мерзкое, и я не стал звонить жене, что приехал. И был я немало удивлен, когда в двух кварталах от моей работы, среди бела дня, увидел жену, прогуливающуюся с юношей, лет на десять моложе ее. Она держала его под руку и мило улыбалась, как улыбаться можно только любовнику. Он тоже был весел. Словом, идиллия! Я только лишний. Ну и я, благо незамеченный, пошел на работу. И «приехал» я на следующее утро. И был радостно встречен, накормлен, обласкан. Особенно ночью. Страсти ночью просто пылали. Комар носу не подточит. Да и голова, насчет роста рогов, не чесалась. Но ведь сам видел!

Как поступить, была масса вариантов. Но мы приехали. О жене после. Вот она, родимая работа! Вот он, мой любимый «институт»! И на стене перед входом линия табличка «Северо-Западный НИИ МВД РФ». И все на этом. Просто и со вкусом.

Двери, снабженные противовесом, закрываются за мной сами по себе. В нешироком коридоре слева охранник за матовым стеклом. Прямо от входа вертушка. Справа я вставляю пластиковую карточку в щель, дожидаясь зеленого огонька и прохожу на широкую лестницу, ведущую на второй и третий этажи. У нас есть еще и два этажа вниз. Но об этом знаем только мы.

На втором этаже дежурный сверяется со списком сотрудников, вызванных на работу. Я вызван. Он кивает мне. Киваю и я. Все в порядке, сержант! Я тут не от нечего делать.

Мне направо. Второй кабинет. Достаяю ключ, открываю дверь. Видеокамеры с обеих сторон пристально наблюдают за мной. У охранника на первом этаже и у дежурного этажом ниже замигают сигнальные огоньки: «Кабинет № 202 вскрыт! Охранная сигнализация отключена!» Но все спокойны. Все по плану.

У меня один из лучших кабинетов. Правда, окно выходит во двор, но зато он достаточно просторен, чтобы поместился диван. У дивана невиданная в здешних краях роскошь – журнальный столик!

Я плюхаюсь в кресло за рабочий стол. Автоматически, без какой-либо необходимости, включаю компьютер. Прикуриваю сигарету и набираю номер буфета. Работает он круглосуточно. Правда, кормят так себе. Не ресторан.

– Это Клементьев. Мне завтрак в кабинет. Да, прямо сейчас. Да что есть, то и несите. Я все равно с утра ничего не ел. Все пойдет!

После чего ставлю чайник. У меня примерно полчаса для приема пищи. Должно хватить. Щелкает интерком. Секретарша шефа приглушенно:

– Александр Геннадьевич! Юрий Владимирович ждет вас.

Нормально. Покушали. Набираю телефон:

– Это Клементьев. Заказ пока отменяется. Позвоню позже.

Тушу сигарету и, взяв ежедневник, поднимаюсь к начальнику отдела авиационного двигателестроения полковнику внутренней службы Фомину Ю.В. – моему непосредственному боссу.

Личный секретарь нашего начальника отдела, Эльвира Валерьевна, молча рукой указывает мне на обитую кожей дверь. Вхожу без стука, без всякого доклада о прибытии, как это должно быть в серьезной военизированной организации.

Во главе стола Юрий Владимирович. Ему пятьдесят пять лет. Он лыс. Над брючным ремнем нависает округлый животик любителя жирной пищи и пива. Одет он сегодня в неброский костюм. Шеф нервно поглядывает на часы. Великолепные золотые швейцарские часы. Наверное, зарплата позволяет.

За столом для совещаний, справа от начальника, сидит его заместитель Дейс Эдуард Борисович. Он очень гордится своими немецкими корнями. И вообще он человек своенравный, временами вспыльчивый. У него аккуратная модельная прическа, очки в тонкой оправе, костюм темных тонов с красно-белым галстуком. Заместитель несколько худоват. Но это ничего! Пройдет немного лет, он полысеет, отрастит живот и тогда станет претендентом на должность начальника отдела. А пока ему комплекция не позволяет. Вот и ходит в сорок семь лет в заместителях.

– Новости смотрел? Догадался, зачем вызвали?

– Глубоко сомневаюсь, Юрий Владимирович, что вы пригласили меня отпраздновать победу юношеской сборной России по классической борьбе. – Я усаживаюсь за стол напротив заместителя. – Второй новостью на всех телеканалах было убийство сенатора Сарибекова. Почему-то мне кажется, что мы будем говорить о нем.

– Правильно кажется. Я поручаю тебе расследование этого преступления. Сегодня вечером вылетишь в Новосибирск. Детали обсуди с Эдуардом Борисовичем. От себя скажу: дело громкое, наверняка будет на контроле в администрации президента. Значит, на месте будет много сутолоки и бестолковщины. Ты будь покоректнее. Повезливее будь. И прокурорам всяким постоянно не говори, что у них правды искать, как у змеи ног. Понял?

– А что, у змеи ноги есть? Подумаешь, раз сказал прокурору края правду в глаза. То он сам не знает! Все, все, молчу! Я от кого еду? И кто еще едет?

– Ты специальный представитель начальника департамента уголовного розыска МВД России. Документы получишь те же, что и в Иркутске. От нас у тебя будет помощник. Из Москвы прикомандируют сотрудника. Кого – пока не знаю. Но старший в группе – ты. От ФСБ и МВД по полновесной оперативно-розыскной бригаде. Скучно тебе не будет. Если поймешь, что в убийстве нашей темы нет, можешь сразу же возвращаться назад.

– Юрий Владимирович, а вообще, почему мы-то должны им заниматься? Пусть ФСБ землю рогами роет. Политики – это по их части.

– В понедельник, обрати внимание, в понедельник, 24 мая, Сарибеков должен был инвестировать приличную сумму в разработку перспективного двигателя для истребителей пятого поколения. Заметь, в разработку двигателя!

– И прилично обещал отслюнявить?

– Восемьдесят миллионов долларов.

– Американских долларов?

– Ты хочешь, чтобы я тебе настрояние перед отъездом испортил?

– А что я-то? Спросить уже нельзя. Может, он по канадским долларам прикалывается. Я хотел уточнить детали.

– Он уже ни по чему не прикалывается. Ты это, Саша, местного резидента зря не дергай. Ему сейчас и без тебя жарко станет. Ну, не мне тебя учить. Всё у меня, парни. Идите работать!

Я и заместитель прошли ко мне в кабинет. По второму кругу зашипел чайник, я заказал завтрак. Заурчал небольшой старенький холодильник в углу. Мы закурили.

– С чего начать? – протирая очки, спросил Дейс. – И учти, я в этой теме только с половины пятого утра.

– Опа! Мне еще повезло поспать лишний часок! Ну, давай: где родился, где крестился. Хотя, судя по фамилии, он восточных кровей. Татарин?

– Башкир. В последнее время стал благочестивым мусульманином. Ездил на хадж в Мекку. Стал именоваться как по паспорту: Ралиф. До этого, при советской власти, все его звали Роман Худатович. Сильно набожным до последнего времени не был.

– Эдуард Борисович, а может, его религиозные экстремисты шарахнули? Не пожертвовал на ремонт мечети, зажил ли деньги на новый халат для имама, они и взялись за оружие. Кстати, сенатора из чего убили?

– Вроде бы из обычной снайперской винтовки Драгунова. Причем обычной пулей, без всяких наворотов. Но стрелял специалист. Сарибеков вечером в пятницу, неизвестно к кому, приехал в эту девятиэтажку. Охрану оставил в соседнем дворе, отсутствовал примерно часа два. Снайпер караулил его на стройке метрах в ста пятидесяти. Оттуда он ему прямо в висок и влупил. Причем выстрел слышали все, на улице было полно народу. Никаким глушителем киллер не пользовался. Тем не менее убийца, кто бы он ни был, благополучно ускользнул. У местной милиции, как я понял, вообще никаких наметок по делу. Может, москвичи что привезут.

– Ага, привезут они. Такие же дармоеды, как телохранители у сенатора. И богатый был покойник?

– Состояние что-то около десяти миллиардов.

– Чего, чего? Десять миллиардов?! Долларов? Рублей? Если рублей, то это искренне радуется. Хотя и в рублях тоже нехило! И на чем он заработал в пересчете на американские деньги триста тридцать три миллиона долларов? Собирал пустые бутылки? Сдавал металлолом? Работал закройщиком дамских шляпок?

– Работал он в нефтяной промышленности.

– Слушай, Эдуард Борисович, – я могу называть его на «ты», хотя он и старше меня на десять лет. – Почему топ-менеджмент нефтяной и газовой отрасли состоит из евреев, татар и вот еще одного башкира? Ну, с евреями все понятно – где деньги, там и евреи. А эти-то как туда пролезли?

– Потом и кровью пролезли. Да и не пролезли, а заработали. Так уж повелось, что в советское время в Татарстане и Башкирии самыми престижными вузами были институты нефтяной и газовой промышленности. Естественно, дети состоятельных родителей учились в Москве, Ленинграде, Киеве. А выходцам из народа была одна дорога, благо нефти и газа в Поволжье полно. Потом открыли нефть в Западной Сибири, стали осваивать газовые месторождения Севера. Вот они, башкиры с татарами, а не мы с тобой, поехали в тундру и тайгу возводить буровые и добывать Родине черное золото. Жили они в палатках летом, когда комары живьем поедают, и в щитовых домиках зимой, когда мороз за сорок – нормальное явление. Север, другой мир, это другая существующая рядом с нами параллельная планета. Утром, перед выходом на мороз, чтобы обеспечить организму нужное количество калорий, нефтяники глотают, не разжевывая, большой кусок вареного сала. Обычного человека от такого завтрака стошнит, нефтяника – нет. Если бы ты, по молодости, регулярно глотал бы перед выходом на мороз вареный жир кусками, сейчас бы не задавал вопросы, откуда у людей миллионные состояния. Вполне закономерно, что из самых настойчивых и трудолюбивых первопроходцев Севера сложился управленческий персонал. Так сказать, прослойка крепких хозяйственников. Ну а потом перестройка, смена власти, и все: конец эпохи всеобщего равенства и братства.

Смог хапнуть – ты уважаемый человек и миллиардер. Не смог – иди на досрочную пенсию и помалкивай.

– Сколько СарIBEКОВУ годков?

– Шестьдесят один. Вдовец. Есть две взрослые дочери.

– Симпатичные? Не замужем?

– Там и узнаешь. Да ты вроде бы пока женат. Да и рылом ты не вышел для девушек с состоянием в пять миллиардов рублей.

– Насчет рыла зря! Может, они умных любят, начитанных, культурных?

– «Культурный» – это ты не о себе ли?

В дверь раздался стук, и вошла дежурная официантка с заказанным завтраком. Вообще-то в нашей организации только пятеро имеют право запрашивать трапезу в кабинет. Остальным приходится питаться в столовой на первом подземном этаже.

– Прикинь, Эдуард Борисович! Я погожим вечерком, когда с океана веет живительной свежестью, под ручку со сногшибательной красоты башкирочкой, весь деловой такой, пальцы веером, прогуливаюсь по набережной Беверли-Хиллз. И надо мной огромные, как чистой воды бриллианты в сто карат, звезды. Сказочной красоты звезды. Звезды над Калифорнией. И в их ласковом сиянии я вхожу в самый лучший ресторан и что я вижу? – Я убрал салфетку с подноса: два сваренных вкрутую яйца, тосты, ломтики хорошего сыра, масло и джем – так называемый «завтрак по-европейски», без основного блюда.

– И видишь ты, что с черной икрой и устрицами в вине сегодня пролетел. Так что начинай олигархическую жизнь с бутербродов. Оно вернее будет.

– Свинство все это. Крушение мечты. Вместо хрустальных звезд – тусклые фонари в подворотне.

Не обращая внимания на меня, принявшегося за еду, заместитель продолжал:

– На заре перестройки СарIBEКОВ бросил надежды выбиться в партийные деятели и занялся кооперацией. Не покидая должности главного инженера крупной нефтедобывающей компании, открыл, через подставных лиц, сеть мастерских по пошиву джинсов. Словом, к моменту приватизации денежки у него водились. Ну а дальше как все: скупал акции собственного предприятия, спихнул старого директора и сел на его место. Участвовал в залоговых аукционах. Сильно не грубил, с криминалом не связывался. Воровал народное добро понемногу и в меру. Как все. Не больше, но и не меньше. Поэтому благополучно пережил «лихие девяностые». К двухтысячному году он обанкротил родное предприятие, предварительно перекинув активы в дочернюю фирму, и стал скромно именоваться генеральным директором ОАО «Нефть и менеджмент Сибири». В две тысячи пятом году продал весь нефтяной бизнес и основал ООО «Сибирская инвестиционная компания». У СарIBEКОВА было шестьдесят долей уставного капитала этого общества, у дочерей еще по десять. Остальные выкупили бывшие сослуживцы по нефтянке. Вот, в общем-то, и все. Остальное узнаешь сам.

– А чего он в Новосибирске-то делал? По делам приехал?

– Живет он там, вот чего.

– Живет в Новосибирске? Даже не в Лондоне? Ты серьезно?

– У него две элитные квартиры в Новосибирске. Шикарный коттедж. Собственное десятиэтажное здание, в котором размещается головной офис его фирмы. Но главное не это. Умный был сенатор, понимал простую истину: в Новосибирске он мегазвезда, босс боссов. В Москве он будет один из многих, а в Лондоне так себе, шпана. У меня все, друг мой! До обеда я на месте. Нужен буду, заходи!

Ровно полчаса дается на завтрак. По их истечении – стук в дверь, и официантка забирает поднос. Еще стук. Техник принес ноутбук. Расписываюсь в ведомости за получение. Звонок по внутреннему телефону. Пришел начальник административной части, принес билет на самолет, мои «личные» документы и деньги. Денег немного. На такие с дочерью сенатора по рестора-

нам не погуляешь. Могли бы и накинуть десяточку! Документы как положено, бывшие в употреблении, но настоящие. С этими документами я уже работал. Главному администратору я тоже дарю автограф. Следом явился начальник технической части. Этот принес два сотовых телефона и флешку на кожаном шнурке. Ему я отдал на хранение свой телефон. Такой вот неравноценный обмен. На этом первая партия визитеров, подготавливающих меня к отъезду, закончилась.

Я подключил ноутбук к Сети, ввел пароль. Теперь ноутбук будет работать как обыкновенный компьютер. Потом вставил флешку и ввел второй, основной пароль. Компьютер мигнул дисплеем и предложил подождать. Это умный компьютер. Вернее, это два компьютера в одном. Один обычный, для посторонних, второй только для меня. Чтобы второй компьютер заработал, надо вставить флешку. С виду она тоже обычная, но в ней коды программ запуска особых каналов секретной спутниковой связи и доступа к серверам «Объекта № 15/34», который, как известно, является Главным информационно-аналитическим центром МВД. И что самое интересное, где он находится, не знает никто! Может, он на соседней улице, а может, во льдах острова Врангеля. Сказочной красоты там земля! Скалы, льды. Ходят по берегу белые медведи, отгрызают после жирного моржового мяса. Птички всякие летают. Рыбки плещутся. А в бункере центральной скалы тихо, уютно. Жужжат серверы, атомная автономная электростанция дает тепло и свет. И ждут все, ждут, когда же я с ними выйду на связь.

Компьютер мигнул:

«Настройка окончена. Ты кто?»

Я приложил большой палец правой руки на окошечко считывающего устройства. Компьютер мгновенно обработал узоры папиллярных линий и мигнул:

«Дальше».

Казалось бы, к чему такая перестраховка? Ведь мой отпечаток большого пальца подделать невозможно. Но, как показывает опыт, палец можно отрезать и пользоваться им без участия первоначального владельца.

Я ввел свой личный код. Его знают только двое – я и Главный сервер, мой виртуальный партнер. Во всяком случае, мне объясняли, что никому третьему мой код неизвестен. Может, врут, может, нет, я не знаю. Это из области настоящих секретов. Из тех, за разглашение которых болтуну могут скорректировать вес в сторону увеличения. На массу пули.

«Я готов!» – появилась надпись на дисплее.

Сколько я ни работаю с Главным сервером, начало общения всегда волнующее. Потом, через день-два, начинаешь привыкать к общению с машиной, наделенной элементами искусственного интеллекта, а в первые минуты общения просто мурашки по телу пробегают.

Я запросил много информации и настойчиво потребовал, чтобы медведи белые или самые продвинутые наши ученые, мне безразлично кто, пробрались в кибернетическом пространстве в домашние и служебные компьютеры СарIBEкова. И чтобы тихо и бесследно перекачали мне с них всю информацию. Ну и попутно взломали бы все пароли. Мне с ними возиться недосуг, а почитать личную переписку сенатора очень охота. Ему, покойнику, она уже ни к чему. Как ни к чему Главному серверу всякие там санкции суда на вторжение в личную жизнь сенатора. Он и любые телефонные переговоры прослушивает без судебно-следственных постановлений. Главный сервер в виртуальном мире всемогущ.

«Через двадцать минут устроит?» – спросил он.

«Я не спешу».

Эти диалоги с тем, кого при всем желании нельзя увидеть, слабонервного могут довести до психоза. К этой манере общения надо привыкнуть, понять, что твоего собеседника в материальном мире нет, он просто виртуальная программа, набор цифр. Но он существует, специально создан, только для тебя. И там, в виртуальном мире, он не покладая рук будет трудиться

для тебя. И, к моему величайшему сожалению, пообщаться с ним я могу только при наличии волшебной флешки. А ее дают только в силу необходимости.

«Отсортировать информацию или перекопировать все как есть?»

«Мне только его личную информацию. Всю личную переписку. И ту информацию, которая покажется бессмысленной».

«Финансовые документы?»

«Оставь себе, я не бухгалтер».

«Сегодня в Новосибирск? Гостиницу подобрать?»

«Сегодня. Гостиницу нам уже заказали».

«Там дождь будет. Не забудь зонтик».

«Спасибо».

Как-то в Хабаровске, чтобы развлечься, я спросил компьютер:

«Сколько здесь стоит самая шикарная проститутка?»

Он тоже решил развлечься и выдал:

«Хочешь, начальству застучу, куда ты собрался государственные деньги потратить?»

И тут же бойко и без перехода отобразил весь диапазон расценок на хабаровских жриц продажной любви. И, как я понял, руководству ябедничать не стал. Говорят, что такие шутки специально заложены в программу для психологической разгрузки. Иногда люди моей профессии работают в полном одиночестве на чужой территории, и Главный сервер становится их единственным собеседником, с которым можно откровенно пообщаться. А собеседник, как известно, должен быть наделен чувством юмора. Еще говорят, что шутки Главный сервер подбирает под каждого индивидуально, на основе специальных тестов и программ. Про это я опять ничего не знаю, но на правду похоже.

Кстати, как-то раз мне пришла на ум мысль, а не реальный ли живой человек мне отвечает. Но нет, когда бы я ни запрашивал информацию, в любое время суток, Главный сервер всегда был готов ответить. И чувство юмора у него не зависит от дня и ночи.

Позвонил дежурный. Автомобиль, который отвезет меня в московский аэропорт «Домодедово», будет готов к пяти вечера. Три часа на дорогу. Приедем за час до регистрации.

По плану в Новосибирске я буду часов в пять утра. Нормально.

Перед обедом я решил пройтись по магазинам, купить разные мелочи в дорогу. Сама дорожная сумка со всем необходимым для командировки постоянно стоит в кабинете собранная. Заодно с улицы позвоню жене. Обрадую подругу жизни.

Микроавтобус наматывал на колеса километры трассы. В салоне бормотало радио. Я, единственный пассажир, откинулся на сиденье и подремывал. Водитель был сосредоточен на дороге.

Как я и предполагал, жена, узнав о командировке, «искренне» сокрушалась по поводу разлуки, испорченных выходных и все такое. Как обычно. Она даже спросила, не опасная ли предстоит командировка. Как будто я знаю, что меня там ожидает! Зато знаю, что ее ожидают приятные мгновения в объятиях очередного любовника.

Когда полтора года назад, совершенно ошарашенный встречей жены с каким-то студентом под ручку, я немного пришел в себя, то задался вопросами: «Как давно это происходит? Какими последствиями это мне грозит? Что делать?»

Сразу же решил горячку не пороть, поостыть и во всем разобраться. Понятно, что «сор из избы» выносить категорически нельзя. Если на работе узнают, что у моей жены есть любовник, то первое, что тщательно и всесторонне проверят, это не является ли он представителем какой-либо враждебной структуры, не поставлена ли ему задача завербовать меня, выведать секреты нашей организации. Так предписано инструкциями, и это правильно. Выход один – развод. В мои тридцать семь лет развод – это личная катастрофа. С любой стороны, как ни посмотри,

даром для меня разоблачение прелюбодеяния жены не пройдет. И чтобы избежать жизненного апокалипсиса, я, для начала, решил осмотреться.

Никого, абсолютно никого, нельзя было посвятить в эту историю. Это была моя личная тайна, и доверять ее никому нельзя. Поразмыслив, я решился на нестандартный и рискованный ход – использовать в своих целях великий и могучий Главный сервер. Ему одному я мог довериться, ибо он, хоть и запрограммирован на меня лично, не поймет, где служебный запрос, а где личный. А копии моих запросов он по своей инициативе никому не предоставляет.

Для доступа к Главному серверу необходимы особый ноутбук и, главное, моя личная флешка. И то и другое я просто обязан был сдать сразу же после командировки, но, повстречав жену с любовником, мгновенно передумал. Вообще-то после приезда мне даются сутки для сдачи отчета по командировке в черновом варианте. В это время аппаратура в моем распоряжении. Я поставил Главному серверу задачу и в срок сдал и технику, и черновой отчет. Сославшись на страшную усталость, я попросил начальство дать мне отдохнуть недельку, а уже потом подготовить основной отчет. Так что, через две недели после приезда, готовя основной отчет, я, сославшись на необходимость получения информации по командировке через Главный сервер, на пару часов получил к нему доступ. Все это время, все две недели, Главный сервер, который не знал, что операция закончилась, продолжал работать на меня. Машина ведь не сможет различить, где служебное задание, а где нет. И вот он, считая, что операция продолжается, записывал все разговоры моей жены по сотовому телефону. Вот этот момент – отсутствие у Главного сервера точного времени окончания операции – никто не предусмотрел. Обычно время окончания операции – это дата сдачи чернового отчета по командировке. Но и запрета вернуться к наработанным в командировке данным никто не вводил. Не воспользоваться такой возможностью в сложившейся ситуации я не мог. Хотя риск был. И риск немалый. Но все пролезло!

Прослушивание телефонных разговоров человека, который не подозревает об этом, – великая вещь! В них вся его скрытая суть. В них тайная правда жизни. И нужно время, чтобы понять, что же с этой правдой делать.

Для начала, любовников у жены оказалось двое.

Один, как я понял, годами старше меня, семейный обеспеченный мужчина. Судя по всему, связь между ними была дано. Встречались они не часто, но регулярно. Время проводили где-то за городом. Как-то жена на неделю уезжала на повышение квалификации в Москву и по приезде все оплевывала общежитие, в котором их поселили. Тут выяснилось, что жили они вместе с этим любовником на съемной квартире. В общежитии она и часу не была. Актриса, одним словом!

Второй любовник, как я и определил по внешнему виду, прощелыга – студент из ее института. Это так себе, мимолетная связь. Ему экзотика – с преподавательницей переспать, а ей льстит, что у нее любовник – молодой сексуальный жеребчик. Как только он ей надоест, так она тут же его пошлет куда подальше и найдет себе нового. Благо внешность у нее привлекательная. Не то чтобы красавица, но для ее тридцати двух лет очень даже симпатичная.

Послушал я эти телефонные разговоры и понял, что у меня не жена, а сволочь какая-то.

Продолжая с ней жить, как будто ничего не случилось, я решил рискнуть второй раз и вновь не прогадал. Я пришел к заместителю начальника и все выложил как на духу. Естественно, умолчав о моей афере с Главным сервером. Эдуард Борисович – третий калач. Он посоветовал подождать, когда начальник уйдет в отпуск, а пока написать пространный рапорт, мол, встретил жену с незнакомцем, но ничего подозрительного вроде бы не заметил. Как только начальник ушел в отпуск, а заместитель занял его место, он назначил официальную проверку моего рапорта. Проверяли серьезно и исключительно тщательно. Оба любовника с авиастрое-нием и близко не стояли, моей работой не интересовались. Да и познакомиться со мной не спешили. По окончании проверки заместитель на докладной записке по данному факту наложил

резолюцию: «Списать в архив». На этом дело и закончилось. Иметь гулящую жену, конечно же, мерзко, но уставом не запрещено. В былые времена за это, конечно бы, с работы выперли, но нынче простили.

Зато я, ознакомившись в законном порядке с результатами проверки, узнал о своей любимой и ее друзьях массу нового. Хорошего отношения к жене и ее подругам это, конечно, не прибавило. Но успокаивало, что не я один такой. В Англии, например, с использованием генетических методов выяснилось, что 11 процентов лондонских детей, появившихся в браке, рождены не от законных отцов. О проценте измен можно только догадываться. Эту любопытную информацию я вычитал в одной бульварной газетенке, которую, наверное, издают специально для таких, как я. А регулярно покупает и приносит домой эту газету жена. Может, заранее подготавливает?

И что ее во мне не устраивало? Как мужчина я состоятелен и в половом плане, и в положении в обществе. Достаточно хорошо оплачиваемая работа, своя трехкомнатная квартира, машина. Хотели бы, дачу завели. В отпуск постоянно к морю ездим. Правда, пока работаю, заграница для меня закрыта. Как человек, допущенный к государственным секретам, я временно невыездной. Но Крым, который почему-то заграницей не считается, для меня всегда открыт. Налаженный размеренный быт. Дочка умница. Но нет же, плотские развлечения подавай! А может, это, наоборот, от хорошей жизни? Был бы пьяницей, не работал, сидел бы на ее шее, может, не до любовников бы было? И потом, если бы она кому-то пьяная отдалась на институтской вечеринке, студенту ли преподавателю, я бы даже заморачиваться не стал, простил бы и забыл. Всяко может быть по пьянке. Пьяная, сдуру согрешила – это казус, несчастный случай на производстве. А если трезвая, осознавая, что делает, – это предательство. Если она это систематически вытворяет и ей такой образ жизни очень даже нравится, то тут ничего не исправишь.

У меня было несколько вариантов разрешения данной проблемы.

Первый. Выложить все жене и устроить грандиозные разборки, с мордобоем или без. Вариант – можно выгнать ее из дома. Опять-таки, это временно. Естественно, жена своим любовникам в качестве свободной женщины даром не нужна. Ей останется только ползать на коленях и просить прощения. На какое-то время она покончит с гулящей жизнью, потом все вернется на круги своя.

Устраивать выяснение отношений – только загонять проблему вглубь. И еще, как бы она ни каялась, но унижения, которое всегда несет с собой раскаяние, она мне бы никогда не простила. Так бы я навсегда себе обеспечил потенциального врага, который в трудную минуту может ударить в спину. Так что, «пятую колонну» внутри своей семьи я решил своими руками не создавать.

Второй вариант, самый лучший, – это скоропостижная смерть жены. Несчастный случай, внезапная болезнь. Я – обеспеченный жильем и работой вдовец с девятилетним ребенком. Для женщины, желающей создать семью, выбор очень неплохой. Новую жену найду без проблем, через месяц. Причем в любом возрастном диапазоне и с любой внешностью. А если не жениться, а так, приводить девушек домой, то тоже неплохо. Гораздо лучше в моральном плане, чем быть рогоносцем. Как это ни цинично звучит, дочка еще маленькая, смерть мамы перенесет относительно легко. С новой матерью свыкнется. Вот только помирать жена не собирается. От трех мужиков соки сосет и здоровьем пышет.

Здесь есть вариант в варианте. Это взять и самому убить жену. Доверять постороннему такое деликатное дело нельзя. Все продумать, подготовить безукоризненное алиби, замаскировать, например, под ограбление или изнасилование. Теоретически возможно. Практически же есть риск лет на десять отправиться за колючую проволоку, поразмышлять о поспешно принятом решении. Тем более после ее насильственной смерти под подозрение первым попаду я. Как только ее убьют, все подруги сразу же вспомнят обо всех ее любовниках, которых сейчас

покрывают, и следователям такого наговорят! Признание с меня, конечно же, не выбьют, но и жизни после этого тоже не будет.

Замаскировать смерть под несчастный случай или самоубийство исключительно сложно. Конечно, в детективах мужа травят неверных жен почем зря и умудряются иногда выйти сухими из воды. Но тут овчинка выделки не стоит, всегда есть риск быть разоблаченным. Кривой комиссар Коломбо, например, на этом и специализируется. Каждую неделю, в телесериале, мужа-убийцу разоблачает. Садиться же в тюрьму и после освобождения начинать жизнь заново из-за этой твари я не желаю.

Третий вариант – просто развестись. Но тут проблем не меньше. Предстоит делить имущество, а главное, делить квартиру. Развод обернется разновидностью жизненного апокалипсиса. А мне не двадцать пять лет, поздно начинать устраивать жизнь и быт заново. Из квартиры перебираться в комнату гостиничного типа? Нет уж, спасибо!

Еще вариант, самый оптимальный. Оставить все как есть. Просто знать, что женщина, которую ты любил, – мразь.

– Приехали! – Водитель повернулся ко мне и с серьезным выражением лица спросил: – Помочь с багажом, Александр Геннадьевич?

– Спасибо, Толя! Ну, давай, до встречи!

Повесив на плечо спортивную сумку, я пошел к терминалу аэропорта «Домодедово».

У стойки регистрации спортивного вида молодой человек помахал мне рукой:

– Сколько лет, сколько зим! Не прошло и полгода! – радостно воскликнул он, пожимая мне руку. – Нам не по пути? А то я уже очередь занял!

– Пути Господни неисповедимы! Мы вновь едем по одному делу! Я рад тебя видеть! Думал, кого пришлют в напарники? А оказывается, тебя!

Мы поздоровались. Сергей Николаевич Латыпов, из московского отдела перспективных авиационных разработок, в качестве напарника устраивал меня всем: смысленный, решительный, способный на разумный риск. И что самое главное, он не храпит по ночам! Жить-то нам в одном номере. И может быть, жить достаточно долго.

– Сергей, ты часом зонтик не взял? Там дождь будет.

– Капюшоном обойдусь. Не могу я с зонтиком ходить. Постоянно или забуду где-нибудь, или пьяный потеряю. С зонтиком, конечно же, комфортнее, но не судьба.

– Вот и я к зонтам не привык. Так что, поможем немного. О, наша очередь!

Потом была совершенно глупая в плане безопасности проверка. Нас заставили снять обувь, просветили сканером, отобрали у Сергея начатую бутылку минеральной воды. И это при том, что в самом аэропорту бутылка простой минеральной воды стоит как шампанское «Мадам Клико». Обдирают народ как хотят. Проверяющие не уделили никакого внимания моим сотовым телефонам. А в одном из них вмонтирован достаточно мощный лазер, который почему-то все называют «антилазер». Обшивку самолета им, конечно же, не прожжешь, а вот глаза выжечь запросто. Он для этого и предназначен. Полезная вещица. С виду безобидная, но смертельно опасная. Во многом «антилазер» даже лучше пистолета. Или вот я пронес с собой ноутбук. Граммов сто взрывчатки в него влезет. Но на него внимания никто не обратил. Зато обувь исследовали. Ну что можно спрятать в ботинках? Глупость одна.

Напарник, не мудрствуя лукаво, уселся в зале ожидания и развернул газетку. Я пошел покурить. Что меня искренне удивляет, так это отношение к курильщикам со стороны администрации аэропорта «Домодедово». Понятно, курить – вредная привычка, но не до такой же степени издеваться над людьми!

Не знаю, были ли в нацистских концлагерях душегубки или нет. Одни историки сомневаются в их существовании, другие утверждают, что были. Но я точно знаю, что душегубки есть в аэропорту «Домодедово». Там они замаскированы под комнаты для курения, и в них админи-

страция аэропорта проводит чудовищные опыты по отравлению пассажиров. В этих маленьких закуточках без окон вентиляция намеренно отключена, и тяжелый табачный дым, не находя выхода, слоями висит от пола до потолка. И курить-то тут не надо! Достаточно подышать этой гадостью, как начинает кружиться голова и пробуждается рвотный рефлекс.

После пары затяжек я бросил сигарету и решил не курить до прилета в Новосибирск. Может, на это все и рассчитано? Ведь специально же отключена вентиляция. Отучают от курения такими нетрадиционными методами.

И ладно бы одних пассажиров травили! Пассажир – явление временное: пришел, отравился, улетел, и дело с концом! Так ведь там курят и служащие аэропорта, свои же работники. Над ними-то за что так издеваться?

Самолет взмыл в небо точно по расписанию.

Я достал ноутбук и, пользуясь тем, что все вокруг стали засыпать, послал пару запросов.

Ответы получил мгновенно.

Первую, старшую дочь почившего сенатора звали Инна. Было ей уже тридцать лет, и была она не замужем. Никогда не была замужем. В ее внешности просматривалось что-то восточное, но в целом европейского вида девушка с короткой стрижкой, очень обыкновенной внешности. Этакая серая мышка, самый опасный тип женщин. Окончила фармакологический институт в Москве и с 2005 года владеет сетью аптек в Новосибирске. Понятно, папа подсобил. В аптечном бизнесе трудно пробиться, если только у тебя папа не олигарх и сенатор. Да и зачем ей вообще работать с такими-то деньжищами? Для самоутверждения? Мол, тоже кое-что могу? Ничем особым эта Инна не увлекалась, в светской хронике мелькала только в 2003–2004 годах, когда, обучаясь на последнем курсе института в Москве, сошлась и стала сожительствовать со столь одиозной личностью, как DJ «Vallentino». Их бурный роман окончился после смерти «Валлентино» от передозировки наркотиков. Ныне жила эта кареглазая дива в пятикомнатной квартире одна. Даже постоянного любовника не было. Любовницы вроде бы тоже не было.

Младшей дочери, Насиме, которую все с детства звали Натальей, было двадцать пять, и была она противоположностью сестре. Яркая крашеная блондинка с волосами до плеч, с тонкими чертами лица, совершенно лишенная налета Востока. Я бы по внешнему виду никогда не сказал, что она башкирка. Была эта белокурая особа утонченно худа, в меру подкопчена в солярии, с броским макияжем и дугой выщипанными бровями над зеленоватыми глазами. Словом, таких за десять минут прогулки по городу встретишь с десяток. В отличие от сестры была замужем, развелась год назад. Муж ей попался простой клерк. Что его занесло в семью сенатора? Наверное, прихоть взбалмошной дочки.

Как видно, сестры своеобразные девушки – одна аптеки держит, другая замуж за пролетария выходит. Загадочная женская душа, за которой состояние в пять миллиардов. Выгодная партия.

Словом, если выбирать из сестер, я бы выбрал младшую. Хотя она и явная стерва.

Младшая дочь работала в фирме отца и занималась связями с общественностью. Ну, тут все понятно. Вроде бы и работает, и делать ничего не надо. С интересными людьми опять-таки общается. Живет жизнью коллектива. Вполне возможно, получает зарплату и даже знает, где находится окошечко кассы. А может, и отдает весь оклад беднякам. Хотя вряд ли. Такая денежкам счет знает, палец ей в рот не клади.

Живет Наталья в большом коттедже, деля жилище с семьей отца. Обслуживала семейство СарIBEKовых целая команда: два водителя, повара, садовник, экономка и еще человек шесть прислуги. Старшая дочь, подавая похвальный пример скромности, обходилась одной домработницей. Всем бы так жить!

Очень полная женщина, сидящая с краю, как-то хрюкнула во сне, словно усмехнулась над моими размышлениями. Ладно, хрюкай. Разрешаю.

Так, что еще? Жена сенатора, кстати, русская, умерла от сердечной болезни девять лет назад. Сенатор немного повдовствовал и женился на Миле Перишич, якобы сербского происхождения, всего на год старше его младшей дочери. Она, естественно, не работала и вела богемный образ жизни, сполна и вволю прожигая сенаторские денежки. Внешне она походила на Насиму-Наталию. Тот же стандартный загар, макияж, выщипанные брови. Только была она огненно-рыжая, с вызывающе внушительным бюстом. У сестер, особенно у младшей, грудь была более аккуратная.

Интересная деталь – после смерти сенатора оказалось, что его жене причитается только небольшая часть его личного имущества. Совершенно никаких акций и активов. Сенатор как-то все юридически оформил, что основные богатства достанутся дочерям, а не этой охотнице на престарелых олигархов. Вдове достанутся сущие мелочи: большая квартира в Новосибирске, джип «Тойота» и треть от депозитного счета в два миллиона рублей. Ну, это так, для утешения души. Представляю, как ей обидно. Дочерям по пять миллиардов, а ей крохи со стола. Хотя крошки тоже приличные. Я бы не отказался от шестисот тысяч рублей! Да и она не откажется. Вот только трудно будет ей без сенатора, главного жизненного спонсора. Судя по всему, сестры «новую маму» презирают и считают за приживалку.

Исходя из всей информации, сенатор был очень осторожный человек. Молодую жену он и близко не подпускал к финансовым потокам. Держал ее на коротком поводке. Надо денег, бери. Но чуть что, вылетишь на улицу в чем одета. Мудро поступал. Вот только схлопотал пулю неизвестно от кого и за что. Кому-то ведь перешел дорогу, несмотря на всю свою осторожность и восточную мудрость.

Так, что там еще, друг мой сервер?

«Ты уверен, что никто не подсматривает?»

Я огляделся. Вроде бы все спят. Сергей вообще прислонился к полной гражданке, и они как-то синхронно посапывают. Он вдох, она выдох. Как хорошо отрегулированный механизм. Позади все тоже спят. Через проход та же картина. Я один бодрствую.

«Ну, что там у тебя?»

«Не у меня, у покойного сенатора есть „забавные“ картинки. На его личном рабочем компьютере. Картинок восемь тысяч. Коллекция просто великолепная».

«Порнография?»

«Немного похлеще. Лоликон!»

«Переведи на русский».

«Лоликон – это японский термин, возникший от слов „Лолита“ и „комплекс“. В Японии этим термином обозначают влечение к девочкам допубертатного или раннепубертатного возраста. За пределами Японии этот термин встречается реже и, как правило, употребляется по отношению к японским комиксам, содержащим эротические или романтические сцены с участием явно несовершеннолетних девушек. Термин „лоликон“ также является отсылкой к роману Владимира Набокова „Лолита“, в котором мужчина средних лет сексуально одержим двенадцатилетней девочкой. Лоликон как жанр очень популярен среди мужчин зрелого возраста. Проведенные американскими учеными исследования показывают, что лоликон и подобные ему сайты в Интернете, судя по результатам поиска на сексуальную тематику, составляют 15 процентов. Для сравнения: эти же показания для геев составляют 4,7 процента, изменяющих эжен – 3,4 процента».

«Если сенатор увлекался порнографией, в этом мало чего ужасного. В мире тысячи людей скрашивают порнографией досуг, и ничего. Не насиловал же он этих девочек?»

«Наверное, нет. Это тебе решать».

«Ты находишь в этом что-то очень необычайное?»

«А ты нет? Только борцам за права детей не расскажи, что лоликон обычное явление. Съедают с потрохами. И самого еще во всем обвинят. Да и представь, сенатор и крупный бизнесмен коллекционирует похабные картинки. Показать?»

«Только не здесь. Кстати, почему ты говоришь, что это картинки? Это не фотографии?»

«Конечно же, нет! Какой дурак будет связываться с фотографиями? На настоящей фотографии настоящие люди. Сразу же обвинят в педофилии и распространении порнографии. А так – компьютерные картинки, плод дурного воображения неизвестных программистов-извращенцев. Вот только они выполнены в формате 3D и ничем не отличаются от хороших фотоснимков. Причем в основном все на одну тему. Сенатору явно нравилось смаковать отношения...»

Подошла стюардесса с напитками, и я погасил экран. Какие отношения были интересны покойному, узнаем после. В более спокойной обстановке. А то и вправду подумают обо мне бог весь что. А я-то тут ни при чем. Это сенатор – поклонник юных развратниц. В его возрасте такие увлечения – нормальное явление. Ведь явно никто об этом не знал. Так, мелкая шалость.

Но факт сам по себе примечательный. Мужчина с большими деньгами может позволить себе не только картинки рассматривать. Может и реальных девочек заказать. И встретиться с ними где-нибудь на съемной квартире в спальном районе. Интересная версия. Вот только за девочек обычно не стреляют из снайперской винтовки. Физиономию набить могут. Но стрелять? Да еще сенатора? Перебор. На правду не похоже.

Я выключил компьютер и постарался уснуть. Впрочем, как всегда безуспешно. Не могу я спать в самолетах! Рад бы, но не получается. Чтобы хоть как-то скоротать время, воспользовавшись повальным сном вокруг, я вернулся к «забавным» картинкам из коллекции сенатора. Там было что посмотреть!

Аэробус тряхнуло. Экипаж предложил застегнуть ремни и поднять спинки кресел. Снижаемся. Удар колесами о взлетку. Надсадный рев турбин. Зачем-то аплодисменты пассажиров. Сами себе хлопают? Пилоты ведь все равно ничего не слышат.

Все! Перелет состоялся! Мы на месте.

В полете поздний вечер сменился ночью, а ночь незаметно перешла в утро. Полет на восток передвинул часовые стрелки вперед, безвозвратно поглотив три часа.

В Новосибирске было пасмурное утро.

2

Нас как сотрудников центрального аппарата МВД России встретили и отвезли в ведомственную гостиницу ГУВД Новосибирской области на улице Серебренниковской. Гостиница, скажем прямо, очень скромная. Но зато она практически в центре города, и в ней всегда полно народу. Причем половина его не имела никакого отношения к МВД. К тому же рядом с гостиницей можно вкусно и относительно недорого поесть в нормальной столовой. И еще – вокруг гостиницы много офисных центров, где можно при желании затеряться. Неудобно другое – придется постоянно носить ноутбук с собой. А то еще украдут, не ровен час. Воры-то везде есть, даже в ведомственных гостиницах. Да и что за гостиница, если в ней нет воров? Так себе, провинциальный постоялый двор начала прошлого века.

Расположившись и позавтракав, немного передохнув после перелета, на служебном авто мы поехали в областное ГУВД. Впрочем, я еще успел уделить внимание просмотру личных файлов сенатора и сделал определенные выводы. Во всяком случае, понял его вкусы.

По случаю убийства Сарибекова в ГУВД был объявлен рабочий день. У нас, в милиции, это практикуют повсеместно и по любому поводу, взамен не предоставляя никакой компенсации. Хоть вообще с работы не уходи, начальство только радо будет.

В десять часов мы представились местному генералу, начальнику криминальной милиции ГУВД Новосибирской области. Он напутствовал нас дежурными фразами о плодотворном сотрудничестве, но было понятно, что в его глазах мы всего лишь пара заезжих бездельников, проку с которых, как с козла молока.

Последовавшее совещание объединенной оперативно-следственной бригады открыл представитель ФСБ. Он напустил мути про происки неизвестных злодеев и не сказал совершенно ничего путного. Расследующий убийство следователь прокуратуры все совещание был молчалив и сидел с отрешенным видом. Ему откровенно было скучно. Нам тоже. Но это обязательная часть, официоз будней уголовного розыска, распределение работы на день. Руководителю следственной бригады я напомнил о своих особых полномочиях и заявил, что буду работать по отдельному плану. Он не возражал.

После совещания, на котором к нам откомандировали двух местных оперативников, мы устроили небольшую планерку под моим руководством. Я осмотрелся в предоставленном нам на время командировки кабинете и познакомился поближе с приставленными сотрудниками. Старшему, Петру, было за сорок. Опытный и немногословный человек. Младший только что окончил школу МВД и был активен, как натрий в воде. Звался он Владимиром. По совместительству у нас он должен был исполнять обязанности водителя служебной «Тойоты», автомобиля не первой свежести, как мой. Но в этом есть преимущество: незаметность, она к лицу скромным труженикам теневого фронта.

Когда мы уже обсудили план ближайших действий, в кабинет вошел ухоженный молодой мужчина несколько неопределенного возраста. Ему с успехом можно было бы дать и сорок, и пятьдесят лет. Есть такой тип людей, которые лет эдак в тридцать пять становятся солидными деловыми господами и потом с годами нисколько не изменяются.

– Полковник Щукин Денис Юрьевич, – отрекомендовался он. – Садитесь, садитесь. – Он небрежно махнул рукой, разрешая сесть вскочившим при его появлении операм.

– Специальный представитель департамента уголовного розыска МВД России подполковник милиции Клементьев Александр Геннадьевич, – веско представился я. – Это Сергей Николаевич, тоже сотрудник центрального аппарата. А вы...

– Я заместитель начальника криминальной милиции ГУВД Новосибирской области. Только что вышел на работу. В связи с этим убийством отозвали из отпуска. Как видите, я сюда прямо с поезда. Даже к генералу на совещание не успел.

– Скажем прямо, многого не потеряли. Скучновато там было.

– Я, в общем-то, специально зашел с вами познакомиться. Я буду руководить оперативной группой со стороны МВД. Вы, как я понял, действуете отдельно?

– Да, мы работаем отдельно. И смею вас заверить, путаться у вас под ногами мы не будем. Я прекрасно знаю, как относятся к московским гостям. Так вот мы – это отдельная история. Мы не с проверкой приехали и учить всех, как надо преступления раскрывать, мы не будем. Так что...

– Ну что же, я думаю, мы сработаемся! Если понадобится, звоните в любое время дня и ночи.

После его ухода я прочитал в глазах оперов истинное уважение. Если до этого они относились к нам с некоторой долей опасливого скептицизма, то сейчас стало больше доверия. Человек, который на равных говорит и с тобой, и твоим большим начальником, достоин уважения.

Около часу дня, оставив ноутбук в опечатанном сейфе, мы выехали на место происшествия. Я уже видел его на фотографиях, но на месте все можно уточнить. Все, так сказать, пощупать своими руками.

Пошарахавшись около подъезда, мы пошли на стройку, где с третьего этажа стрелял загадочный снайпер. От него остался кусок полиэтиленовой пленки, на которую киллер ставил колени для принятия положения «стрельба с колена с упора». Упор был на недостроенный подоконник. Вид подъезда, с которого выходил сенатор, вернее, у которого он был убит, отличный. Стреляй на здоровье. Только немного далековато. Но для опытного стрелка это не проблема, особенно если есть хороший оптический прицел. А он, судя по всему, у снайпера был.

И еще, двор этого недостроенного здания выходил на пустырь, где удобно поставить автомобиль. Стройку охранял вечно поддатый сторож, который даже выстрела не слышал. Возможно, наклюкался и завалился спать сразу же после обеда. Словом, информационного толку с него никакого. Ноль.

– Петр, а почему пленку-то не забрали на экспертизу?

– Не знаю. Но она вся в пыли, наверное, никто не захотел руки марать. А вообще-то тут следователь прокурорский всем рулил. Помню, окурки собрали. Гильзу вон там нашли. Про пленку не знаю.

– Принеси мне вон тот черенок от лопаты.

– Но здесь целая лопата.

– Мне, – я отчеканил, чтобы в другой раз он был понятливее, – нужен черенок, а не вся лопата.

Оперативник кивнул, с хрустом отломил черенок и принес его мне.

Я встал на колено, установил черенок на подоконник и как бы прицелился.

Всего в доме напротив было шесть подъездов. Торцом первого подъезда дом выходил на внутриворотовую дорожку. Торцом шестого подъезда – на улицу. Улицу тихую, автомобилями не заставленную. Машину с охраной сенатор оставил как раз на этой улице. Сенатор был убит у четвертого подъезда. Он вышел, и оп!

А вот и не оп! Снайперу надо время прицелиться. Знать, когда сенатор выйдет из подъезда, он не мог. Значит, ему необходимо несколько секунд. В то же время сенатор вряд ли стоял около подъезда. Он должен был выйти и бодрым шагом идти прочь отсюда в сторону улицы. А значит, и в сторону снайпера, притаившегося в доме напротив. Что мы имеем?

– Владимир, ты помоложе, поэтому шуруй к третьему подъезду и выполняй наши команды.

Заинтригованный опер вскоре появился на обозначенном месте.

– Пусть перейдет ко второму подъезду, – скомандовал я. Петр продублировал указание по сотовому телефону. – Теперь к первому. Снова к третьему. Теперь вдоль дома, медленно, от первого подъезда к четвертому. Сергей, за прицел, смени меня! Петр, тоже иди сюда. Ну, готовьтесь стрелять в сенатора. Поехали, вот он вышел! Ну, ну!

– Если бы он шел от первого подъезда, то я бы поймал в прицел только около пятого подъезда. Хороший снайпер, наверное, около четвертого был бы готов стрелять.

– Около пятого тебе дерево будет мешать. Около шестого он свернет на улицу. Около первого и второго нельзя попасть в висок. Слишком острый угол получается. Остается стрелять его или у третьего, или у четвертого подъезда. Наверняка, так, чтобы без накладок, я бы стрелял у четвертого. А вы? Коллективное мнение всегда верно. Пошли!

Все вчетвером мы вновь подошли к последнему подъезду сенатора.

– Значит, так, джентльмены. Вы, насколько я понимаю, прошерстили весь этот подъезд. Правильно? Все думали, что сенатор вышел из этого подъезда и здесь же его убили. А он не отсюда вышел, а шел вдоль дома из второго подъезда. Теперь, уважаемые, выверните все из него. В этом подъезде должна сдаваться квартира. Кто ее снимает, неизвестно. На свое имя СарIBEKов ее снимать не будет. Да и вообще может снимать без всякой фамилии. В день его убийства сюда должна была заходить девушка лет пятнадцати-шестнадцати, худенькая, длинноногая, скромно, неброско одетая. Волосы у нее светлые ниже плеч. И живет она не в этом доме. И вышла она одна незадолго до сенатора и пошла вон туда, во дворы.

Ваша задача – установить квартиру и возможных свидетелей прихода-ухода этой девчушки. Главное, квартиру.

– У сенатора была малолетняя любовница? – поразился молодой Владимир.

– Заметь, я этого не говорил.

– Про подъезд понял, про девчонку нет, – это Петр решил проследить ход моих мыслей.

– Понимать ничего не надо. Ищите, ищите! И помните, я тоже человек и могу ошибиться. У девчонки могут оказаться яркая куртка или темные короткие волосы. Но это не столько важно. Главное, мы практически точно знаем подъезд и знаем, что девчонка была. Все, за работу!

Договорившись встретиться вечером в управлении, мы разошлись. Опера двинулись делать поквартирный обход. Наверняка уже не первый. Но на сей раз они искали не свидетелей выстрела, а немного другое.

– С чего это ты решил про малолетнюю пассию? – спросил меня Сергей. – И откуда ты это все знаешь? Про волосы, про возраст?

– Да так, знаете ли... Пришло на ум озарение. Местные-то не в курсе вкусов сенатора. А я кое-что разузнал. Судя по всему, он был падок на юных белокурых прелестниц. А что ему еще в этом захолустье делать? Только с любовницей встречаться. Причем встречаться тайно. Даже от своих паладинов тайно. Но это, я думаю, мы вскоре узнаем.

– Куда сейчас?

– Пообедаем – и в офис к Ралифу Худатовичу. Хочу я посмотреть на его рабочее место. Да и поговорить кое с кем не мешало бы. Например, с его персональным водителем. Я, кстати, его вызвал на работу. Пообщаемся в неформальной обстановке. Чайку попьем.

– Кто это нас чаем будет поить?

– А я и его обеих секретарш на работу выдернул. Нечего расслабляться, когда босса убили. Правильно ведь? Не нам же одним по выходным работать!

– Логично! И главное, справедливо.

Охранники головного офиса «Сибирской инвестиционной компании» недовольно осмотрели нас, но безропотно пропустили на директорский этаж. Даже позволили идти без сопровождающего. Как своих.

В приемной нас уже поджидали две девушки, сидящие каждая за своим столом. Обычные офисные секретари. Ничего примечательного. Одна, правда, немного нервничала. Но это можно понять. Начальника застрелили, и незнакомые люди задают малоприятные вопросы.

С каждой из них мы беседовали отдельно. Ничего стоящего, конечно же, не узнали. Да и вряд ли должны были бы узнать. К своим секретам сенатор секретарш вряд ли подпускал. Они у него так, на подхвате: чай принести, пепельницу выкинуть. Мог бы и одной обойтись, но держал двоих. Одну замужнюю, другую нет. Незамужняя нервная Елена теребила платочек на шее, отвечала скованно и односложно. Но сама, по своей инициативе, в самом начале разговора поставила нас в известность, что у нее с начальником не было никаких шашней. Чисто деловые отношения. Во что, в общем-то, учитывая ее невзрачную внешность, было нетрудно поверить.

Мне они обе не понравились. Обе что-то скрывали. И скрывали, скорее всего, какие-то местные сплетни, слухи, домыслы. И обе, как я понял, не очень-то любили друг друга.

Мы проштудировали все дела сенатора в роковую пятницу. Совершенно ничего необычного. Рядовой рабочий день: совещания, деловая переписка, доклады подчиненных. Потом обед, на который сенатор выехал в престижный ресторан. После обеда вызывал себе дочь Наталью. Потом всякая мелкая текучка. В четыре он отпустил секретарш по домам. В пятницу он всегда отпускал их в четыре часа.

Кстати, разговаривали мы с секретаршами в директорском кабинете, за столом для совещаний. Внушительный стол Сарибекова пустовал. Возможно, он осиротел надолго. А возможно, новый хозяин кабинета первым делом выкинет все, что напоминает предыдущего хозяина. Случается и такое.

Когда мы уже закончили беседу, в кабинет робко постучались, и вошел мужчина лет шестидесяти, водитель сенатора. Это уже интереснее. Я велел всем подать чаю и стал расспрашивать старика обо всем, что произошло в тот трагический вечер.

Когда его рассказ о благородном хозяине мне порядком поднадоел, я спросил его напрямую:

– Семен Петрович, любезнейший, вы эту чепуху местным пинкертонам рассказывайте. Нам не надо. Хорошо? Теперь ближе к теме. Сенатор в этот вечер поехал на свидание к любовнице? Так ведь? Вы ее видели?

Он облизнул вмиг пересохшие губы, кивнул.

– Сколько ей? Пятнадцать? Шестнадцать?

– Что-то около того. У меня внучка ее лет. Но фигура у нее вполне сложившаяся. Справная такая девица. Глазищи огромные, синие. Волосы такие вот, ниже плеч. Зовут Маша. Если, конечно, мы про ту девчонку говорим. Может, у него и другая появилась. Где живет эта Маша и все остальное, не знаю. Я просто однажды подвозил ее. Вернее, их обоих подвозил. Где-то полгода назад. Об остальном догадался.

– Как?

– С ней он обращался как с взрослой девушкой. Да и она звала его на «ты». Представьте, ему за шестьдесят лет, а она его на «ты» зовет. По ушам сразу же режет.

– Как часто они встречались? И все время там, где его убили?

– Пару раз в месяц точно встречались. А то и каждую пятницу. Но в этот дом он поехал в раз эдак в пятый-шестой. Во всяком случае, раньше я его возил в другое место. Как я понимаю, он заранее ей звонил и назначал встречу. Ну а ключи у них у обоих были.

– Тоже догадались?

– Конечно. Тут легко догадаться. Не станет же она дожидаться его около подъезда. Они свои отношения скрывали.

– Кто еще знал о ней?

– Никто. Ралиф был скрытный мужик. Даже охранники вряд ли подозревали, что у него любовница-малолетка. Понимали, конечно, что он к любовнице ездит. Да вот только что к

такой, вряд ли подозревали. Ну а я просто случайно свидетелем стал. Мы с ним ехали совсем в другое место. Она позвонила, что ее надо срочно увезти до автовокзала с улицы Кропоткина. Ну, мы и дали крюк по всему городу.

– А эти секретарши не были его любовницами?

– Эти нет. Он на работе был строгих правил, с сотрудницами не заигрывал. Ну а вне работы расслаблялся по полной программе.

– Он не злоупотреблял спиртным?

– Да нет, пил как все. Иногда, правда, напивался, но это редко.

– Больше ничего нам не хотите рассказать? Есть свое мнение насчет того, кто его мог убить?

– Поверьте, парни, даже никаких намеков. Ну не из-за девчонки его убили? Да и встречались они уже с год. Тут что-то другое. Может, политика замешана, может, деньги.

– Девчонка блондинка? Светлая такая?

– Точно. А вы откуда...

– Вы остановились со стороны улицы. Он обошел угол, и все. В какой подъезд он пошел, вы не видели?

– Нет.

– Охранники где были?

– Оба на заднем сиденье сидели. Ралиф всегда только на переднем сиденье ездил.

– Подолгу он отсутствовал?

– Мог и часа три провести с ней...

В этот момент дверь в кабинет по-хозяйски открылась, и состоялось явление Сарибековой Натальи Ралифовны собственной персоной.

Наяву она показалась мне не такой вульгарной. Обычная девушка. А вот напарник установился на нее, как на явившуюся из морской пены обнаженную Афродиту. Только что рот от изумления не открыл.

– Здравствуйте! Меня зовут Наталья, я дочь Ралифа Худатовича. Возможно, вы и со мной решите поговорить.

В этот момент у меня зазвонил телефон. Опера нашли съемную квартиру.

– Наталья Ралифовна, нам, конечно же, есть о чем поговорить. Может быть, встретимся в другом месте?

– У нас дома устроит?

– Вполне. Сегодня, в семь вечера? Нормально будет?

– Нормально. Где я живу, знаете? – Она улыбнулась. Так, слегка, одними кончиками губ.

Мог бы я ей сказать, что если надо будет, то узнаю даже, где у нее кровать стоит, да не стал хамить и вежливо попросил адрес. Определенные приличия должно соблюдать.

На моего напарника Наталья произвела сногшибательное впечатление. Когда мы шли к автомобилю, он спросил:

– Ты видел, что она в чулках? Реально, в чулках!

– Ты, Сергей, дремучий человек. Ну и что, что она в чулках и юбке выше колен? Ножки у нее ровненькие, есть что показать.

– Да я просто не думал, что приличная девушка может носить такие вот ажурные чулочки. Нет, ты сам посуди, у нее вот так вот, реально, эти, как их, резинки видно было.

– Странное у тебя представление о моральном облике любимой дочери distinguished сенатора. Ей что, в парандже и шароварах надо разгуливать? Как затворнице? С ее-то деньгами? Будем считать, что она еще прилично одета. Вечером, может, нас вообще полуголая встретит. В каком-нибудь прозрачном пеньюаре. Тебе она что, понравилась? Губу только сильно не раскатывай.

– Да я ничего подобного не подумал. Так, девушка как девушка. Только приданого хватит на детей и внуков до десятого колена.

– Даже до двадцатого. И знаешь, что-то очень уж поспешно она вышла с нами на контакт. Словно ожидала нас. В воскресенье на работе ожидала. И ведь наверняка она уже все местным следователям рассказала.

– А что она про нас знает?

– Что мы из Москвы, небольшие шишки в МВД. Больше ничего знать не должна. Да и никто больше не знает. О, опять приехали в это примечательное местечко.

Петр проводил нас на третий этаж, где у квартиры под номером 46 стояла запуганная гражданка. Судя по всему, хозяйка этого вертепа.

– Володя, прокурору, надеюсь, ничего еще не сообщали? Молодцы! Теперь можно и позвонить следователю. А вы, уважаемая, кому, собственно, квартиру сдавали?

– Месяца три назад приходил молодой человек, нерусский такой. Я объявление давала. Снял квартиру на полгода. Половину сразу же заплатил наличными. Я отдала ему ключи и больше его не видела. И кто приходил в эту квартиру, не видела. Я тут в шестом подъезде живу, а эту квартиру мужа мы сдаем.

– Seriously? Так и никого ни разу не видела и не интересовалась, кто тут обитает? Хватит врать-то! Нам точно врать не надо. Вот придет прокурорский следователь, ему и вешай лапшу на уши. А мы мужики серьезные. Понятно? Будешь молчать, сегодня же вечером в тюрьму отправишься. Нет желания баланду похлебать? Тюремных вшей покормить? Как это «за что»?! За пособничество в убийстве государственного деятеля! Кто с убийцами в сговоре, я, что ли? Так что же ты видела? На меня смотри! Девчонку видела? Глазищи у нее вот такие! Видела?

Она стыдливо потупилась, кивнула. Однажды видела. Мельком. Случайно. И его видела, да не признала. Только после убийства поняла, кто на самом деле снимал квартиру.

– Опиши мне её, подробнее, в деталях. Всё вспоминай, от этого твоя судьба зависит.

В принципе, её описание совпадало с рассказом водителя. Ну, да это не так уж важно. Девчонка тут совершенно ни при чем. И искать ее нам нет никакого смысла. Можно гарантированно сказать, что к убийству она отношения не имеет. Что она может поведать? Как кувыр-калась в кровати с седовласым повесой? Это, конечно же, познавательно, но не в тему.

– Александр Геннадьевич! – позвал меня из квартиры Сергей.

Я вошел. Обычная двухкомнатная квартира. Только спальней у нее являлся зал, а не меньшая комната. Ну, это понятно, спальня как бы центральное место, главная комната. Кровать в ней была тоже здоровенная, но вся перебуробленная. В углу комнаты валялась одежда. На нее-то и указывал мне напарник.

– В таком же сейчас не ходят? – Он ткнул пальцем в девчоночью школьную форму образца семидесятых годов. Рядом с платьем валялись белые колготки, белый фартук и пионерский галстук. Словом, полный набор.

– Это, Серега, школьная форма для девочек времен юности Ралифа Худатовича. Любил, видать, покойный, вернуться к славному пионерскому прошлому. Наверстать, что в школе недоступно было. Или, скорее всего, если учесть моральные устои прошлых времен, вовсе не было. Это, так сказать, реквизит для сексуальной ролевой игры. Он соблазняет школьницу. Или она соблазняет его. Дело вкуса. Кстати, давай-ка посмотри, что там в шкафу. О, еще несколько комплектов формы!

Опера ошарашенно смотрели на разложенные по полочкам шкафа упаковки с колготками, чулками, лентами для бантов. На плечиках висели школьные платья, фартуки, просто короткие платья.

– Володя! – позвал я опера, караулившего хозяйку на лестничной площадке. – Пусть эта на тебе покажет, какого роста девчонка.

– Такс! – Я взял плечики с одним из платьев и на опере, ориентируясь по отмеченному на его груди росту девчонки, примерно прикинул. – В самый раз!

– Короткое слишком получается, – усомнился Петр.

– Да о чем вы, парни! Не по улице же в нем ходить! Ох и затейник был сенатор! Кстати, где-то здесь должен быть бар. Просто интересно, что же пьют почтенные люди на отдыхе. Руками, джентльмены, трогать ничего не надо, а то следователь сильно огорчится.

– Слышь, Александр Геннадьевич, а почему все разбросано?

– О, вот он, бар! Коньячок, виски. Вино, наверное, для девчонки. Дамские сигареты. Достоинно, достойно.

– Геннадьевич, а почему здесь бардак такой?

– Посуди сам: он приехал после работы. Она уже ждет его, приняла душ, переоделась. Минут десять поговорили, выпили. Приступили к делу. Потом оделись. Ему пора по делам или домой к жене. Ей тоже пора домой, к маме с папой. А может, с мальчиком встречается, недотрогу из себя строит. Он получил моральное и телесное удовлетворение. Она денежки получила. И судя по всему, платил он ей очень прилично. Вот для кого его убийство огромная трагедия! Для девчонки это реально катастрофа. Итак, они закончили. Пора расходиться. Она идет первая, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он немного погодя. И ему, и ей некогда наводить здесь порядок. Значит, кто-то среди недели придет сюда, все помоем, заправит свежее белье, заберет одежду в стирку...

Тут я чуть не прикусил себе язык, от того что сболтнул лишнего. Впрочем, опера ничего не поняли. Они как-то не догадались до того, что лежало у всех на виду: если кто и должен убираться в этой квартире, то либо особо доверенное и проверенное лицо сенатора, либо мать девчонки. Доверенное лицо следует искать среди ближайшего окружения Сарибекова. Ну а мать там же, где и дочь. Если это мать, то она не расскажет ничего интересного. А вот если кто-то из близкого круга, то этот человек может быть сообщником убийцы. Как-то же киллер вычислил его!

– Однако быстро вы нашли нужную квартиру, – с подозрительным прищуром сказал приехавший через час прокурорский следователь.

– Да так, знаете ли... Повезло. Случайность. Ну, вы тут работайте, а нам пора.

– Интересно куда?

– Ужинать, в ближайшую столовую. Необходимо соблюдать режим труда и отдыха. На сегодня работы с нас хватит. Воскресенье ведь все-таки!

Приехавший вместе со следователем полковник Шукин потрепал меня по плечу и сквозь зубы процедил:

– Лихо работаешь, браток! Мы те подъезды отработывали, а яблочко-то рядышком лежало. Молодец! Только в другой раз сообщай мне хотя бы раньше, чем этим, – он показал в сторону следователя.

Покинув место преступления, где вновь стало многолюдно, мы с напарником пошли к автомобилю.

– Куда движемся? – спросил Сергей.

– К достопочтенной Наталье Ралифовне на блины. Или ты не согласен отужинать в ее обществе?

– Я всегда только «за». Тем более в ее обществе!

– Смотри, Серега, опасные они, дочки сенаторов!

– Буду предельно осторожен. Поехали?

Белая иномарка пропустила нас при выезде на улицу и въехала во дворы.

Часом позже Наталья принимала нас в своем особняке, отдаленном от дороги небольшим парком. На стол в обширной гостиной или столовой подавала экономка, женщина лет пяти-

десяти, одетая во все темное. Но она очень скоро удалилась, оставив нас в таком интимном уединении вкушать изысканные блюда.

На закуску подали семгу дольками на крупных листьях салата, нежно-розовую ветчину, посыпанную мелко нарезанным зеленым луком и украшенную оливками. Отдельно стояла розочка со сливочным маслом, порционные кусочки белого хлеба и вазочка с красной икрой. Еще в одной вазочке были маринованные грибочки домашнего приготовления. К закуске подали запотевший графинчик водки.

Я и Наталья отказались пить водку, коллега пригубил рюмочку.

Он вообще был явно очарован хозяйкой. Да и я заметил в ней некие перемены.

Ее макияж был очень небросок. Брови не казались выщипанными до толщины мышиного хвоста. Волосы просто схвачены яркой резинкой сзади. Одетая она была в достаточно просторное светло-голубое платье. Правда, короткое, гораздо выше колен. Но ведь это молодость! Рассвет незамужней женщины.

Сразивших днем ажурных чулок не наблюдалось.

– Вы, наверное, многое бы хотели узнать? – спросила она.

– Наталья Ралифовна, расскажите нам о своей семье, об отце. О его обычном образе жизни. Были ли у него недоброжелатели. Вообще, расскажите нам, что вы думаете о его убийстве.

Она откинулась на спинку стула, закурила тонкую сигарету, выпустила дым в потолок, помолчала.

Я намазал хлявной икрой скромный бутерброд, ловко поддел вилкой семгу. Налил минеральной воды.

– Я отца практически не видела лет до тринадцати. Он все время был в командировках. Домой наезжал на пару недель, и снова на Север. До какого-то времени мы были практически чужими людьми. Представьте, периодически приезжает мало знакомый мужчина, который почему-то зовется вашим отцом. Он привозит подарки, гуляет с вами и вновь куда-то исчезает. Он приезжает то гладко выбритый, то с бородой. То веселый, то мрачнее тучи. В доме всем заправляет мать, царит натуральный матриархат. Мы с сестрой привыкаем жить по ее правилам и обычаям. И вот приезжает отец, и мать уходит куда-то на второй или даже третий план. Все ее требования становятся необязательными, а нам дается свободы гораздо больше, чем обычно. Но иногда, совершенно необъяснимо почему, вся эта свобода зажимается. Ладно, когда мне было десять лет, своего мнения иметь не полагалось. А вот Инне пятнадцать, шестнадцать, у нее период подросткового бунтарства. Она и сейчас-то вся состоит из противоречий, а уж тогда у нее настроение менялось по три раза в день. Тогда каждый приезд отца оканчивался скандалом. Мать выступала на ее стороне, во всем ей потакала. Отца это бесило, и дело доходило до того, что Инне он отвешивал подзатыльники. В доме рев, истерика, и вновь тишина, когда отец уезжал. Окончательно он вернулся весной, когда мне было четырнадцать лет. Тем же летом Инна уехала поступать в Москву и там осталась. Я, отец и мать жили в этом доме.

Экономка подала помидоры, прослоенные испанским луком и немного припудренные египетским перцем, салат из морепродуктов и еще что-то в небольшой мисочке. При ненавязчивом рассмотрении я пришел к выводу, что это конечности небольшого животного. Похоже на задние лапки лягушки. Сказочный деликатес!

Напарник опрокинул еще рюмочку и зажевал лягушатинкой, вряд ли задумываясь, что это такое. Ничего, я ему потом расскажу, чем он потчевался.

На столе появилась бутылка вина. Я даже интересоваться не стал какого, все равно в винах я ничего не понимаю. Изображать из себя знатока добротного вина в приличном обществе я бы не рискнул.

– Наталья, а почему вас так по-разному зовут?

– На том, чтобы первую дочь назвать Инной, настояла мать. Жили они тогда с отцом бедно, мать работала, ее родственники помогали... словом, мать тогда имела в семье большой вес и настояла на своем. А вот на моем имени настоял отец. У меня обычное татарско-башкирское имя. Но отец-то все время был в отъезде, и мать, да и все в семье, стали звать меня Наташей. В нерусских семьях так часто бывает, что по паспорту одно имя, а всю жизнь зовут русским именем. Отца ведь многие до самой его смерти звали Романом, а не Ралифом.

– Он не был слишком набожным мусульманином?

Она ухмыльнулась, что должно было означать: «Да какое там...»

– Если вы имеете в виду этот его хадж в Мекку, то он был нужен ему для установления связей с арабскими бизнесменами. Все это притворно. Отец пил водку, был женат на русской и не пытался ее обратить в ислам. На Севере и когда он служил в армии, ел свинину. Даже рассказывал, что сало свиное глотал, чтобы не мерзнуть на морозе. Коран он ни разу в жизни не открыл. По-башкирски сам разговаривал, но больше в семье никто на его родном языке не то чтобы не говорил, а слова не понимал. Так только: «здравствуйте», «до свидания». Да и вообще он, по-моему, верил только в себя. Он сам всего добился в жизни и считал законом только свое собственное слово.

Экономка подала горячее – цельную индейку, обильно политую соусом. Я вновь налил себе минералки, а Наталье, по ее указанию, темного вина в высокий бокал.

– Инна первая решила уйти из-под его опеки. Перед ней всегда была мать, которой с каждым годом все больше отводилась роль домоправительницы. Мать устраивала эта роль, Инну – нет. И она уехала в Москву учиться на фармаколога. Совершенно сама, к удивлению всех знакомых, выбрала профессию и институт. Отец, конечно же, помогал ей. Инна никогда не знала нужды в деньгах. Впрочем, я тоже не знала. Мне грех на него жаловаться. Он никогда не отказывал нам в деньгах, сколько бы мы ни попросили.

Она вновь закурила. Мы попробовали птицу. Нежное мясо, кисловатый соус.

– Смерть матери была для нас страшным ударом. Она умерла внезапно в этом доме, в библиотеке на втором этаже. Какой-то там сердечный приступ, без всяких видимых причин. Инна была в Москве и даже не успела приехать на ее похороны. А может, не захотела, кто ее знает. Приехала позже, дня через три, как раз тридцатого декабря. Отец по этому поводу был в ярости. Он считал, что она просто обязана была все бросить и приехать на похороны. Инна не стала с ним спорить, развернулась и вновь уехала. Так что тот Новый год мы встречали без нее. Потом он поостыл, и после ее возвращения, когда она окончила институт, купил ей эту сеть аптек. Она попросила, он купил. Попросила бы я, и мне бы купил. Просто мне этого ничего не надо.

Мы все посидели молча, размышляя каждый о своем.

– Наталья, а теперь расскажите о себе.

– А что обо мне рассказывать? Окончила школу с английским уклоном. Потом филологический факультет университета. Все это время училась здесь. Никаких частных школ за границей, никаких Оксфордов. Старалась ничем особым не выделяться. Да и отец показную роскошь презирал. Правда, на двадцатилетие подарил мне «Лексус». Я, кстати, до сих пор на нем езжу. Но и двадцать лет бывает раз в жизни, так что это скорее исключение, чем повседневное баловство дочери. После окончания школы Инна почти два года дома просидела, все размышляла, куда бы ей податься. Я же все делала без перерыва. После школы сразу же в университет, потом к отцу на работу. Потом замуж. Года замужества мне вполне хватило, и вот я вновь свободная женщина.

– Вы с мужем здесь жили?

– Боже упаси! Отец его терпеть не мог. В понятии отца мой муж должен быть или богат, как сын Рокфеллера, или быть крутым, как голливудский супермен. Или-или. Без вариантов. Мой же Валера был маленький, худенький, в очках. Ну а денег... Словом, я ему на свадьбу

костюм покупала. Не потому, что у него костюма не было. Просто к моему свадебному платью пришлось покупать соответствующий костюм для жениха. На такой ему за год не заработать. Так что с первого дня мы жили отдельно, в моей квартире. После развода я вернулась сюда. Квартира, правда, осталась.

Бесшумно появилась экономка, и Наталья обратилась к ней:

– Фаина Далайхановна, у меня в квартире сейчас кто-то живет?

– Наташа, твою квартиру я сдаю очень приличной семье. Деньги...

– Да я не про деньги. Она же одно время пустая стояла?

– Ровно месяц, пока я выбирала достойных квартирантов.

– Фаина Далайхановна, спасибо за ужин. На сегодня вы свободны.

– Мужчины не будут вторую смену горячего?

– Ой, нет, спасибо большое! Мы уже наелись, – за всех ответил я. Еды на столе было хоть отбавляй, если всю ее с собой прихватить, можно дня два о пропитании не думать.

Экономка с недовольным видом ушла. Судя по глухо хлопнувшей двери, скрылась где-то в глубине дома.

– Она здесь живет? – спросил я.

– Фаина Далайхановна? Нет, в городе. В доме, в пристройке, постоянно живет только садовник. Он же дворник. На въезде, сами видели, два охранника. В левой половине дома жил отец. В правой – я. Мы сейчас находимся по центру коттеджа. Это общие помещения. За нами кухня, кладовые, подсобки.

– А жена вашего отца? Она остается без ужина? Ее к столу не позвали? Или она предпочитает отдельно питаться?

– Я дала ей трое суток, чтобы она выметалась из этого дома. А уж к ужину эту потаскуху я ни за что не допущу.

– Не будем о ней. Мне показалось, что ваша экономка чем-то недовольна.

– Это так бросается в глаза? Мы с утра поссорились. Она, – Наталья нахмурила брови, – очень долго работает в нашей семье. Очень долго. Лет пятнадцать, не меньше. И, конечно же, она стала чувствовать себя как бы членом нашей семьи. Так еще при матери повелось, что все хозяйство семьи, питание, быт, все на ней. Видите, я даже не знаю, за сколько и кому она сдает мою квартиру. Сегодня, например, я позвонила ей и сказала, что у меня к ужину будут двое мужчин из МВД. И вот вся эта сервировка и выбор блюд – продукт ее творчества. Так проще жить.

– Интересно, сервировка для мужчин из МВД отличается от других? Я, честное слово, в первый раз сталкиваюсь с делением гостей по профессиональному признаку.

– Понятия не имею. Она спросила, откуда гости. Я сказала. Наверное, и другим бы так подала. А вы обиделись?

– О нет! Так по какому поводу вы повздорили?

Мой коллега, во время беседы испробовавший все вокруг него и выпивший несколько чарок, блаженно откинулся на мягком стуле и закурил, рассматривая потолок. Расспросы он предоставил мне.

– Отца мы хоронили по мусульманскому обычаю, вчера. Но хоронили здесь, в Новосибирске. Родственники настаивали, чтобы его похоронили в родной деревне в Башкирии. Но мы с Инной решили, что пусть лежит рядом с матерью. На этом кладбище давно никого не хоронят, но для нас сделали исключение. Так вот, на похоронах все, и я в том числе, естественно, были одеты в черное. Но сегодня уже другой день, и я не собираюсь носить вечный траур. Фаина Далайхановна считает, что я с ума сошла. Мол, до девяти дней надо носить все черное и закрытое. Это пусть вон та стерва, – она показала рукой на половину отца, – в черном ходит. А я его при жизни любила. А после смерти всю жизнь помнить буду. Так что у меня нет никакой необходимости устраивать показную скорбь. Все, он умер! Он в земле, и его нет. А

я живу! И буду жить так, как я хочу, не оглядываясь на других. Кстати, отец, на другой день после похорон матери, оделся как обычно и пошел на работу. Меня бы он понял. Вот такие-то дела, господа.

– Наташа, можно я на «ты»?

Она кивнула.

– А кто теперь будет руководить фирмой?

– Его заместитель, – улыбнулась она, – так прописано в уставе. Нового директора изберет общее собрание учредителей. То есть я, Инна и еще восемнадцать человек. Дату собрания мы еще не определили. Не хотите кофе, а то я что-то сонная стала? Я вам сама сварю. Нет, правда, вот кофе я варить умею. Даже, говорят, неплохо получается.

Она пошла во внутренние помещения. Мой дорогой друг хмыкнул что-то про помощь хозяйке и ускользнул за ней.

Я, для начала, осмотрел повнимательнее столовую. Видимых видеокамер не обнаружил. Наверное, они стоят только снаружи дома. Охранникам ни к чему видеть внутреннюю жизнь. Но снизу обеденного стола, там, где было центральное место, была неприметная кнопка. Явно для вызова кого-то. Может, прислуги, может, телохранителей.

За плотными шторами скрывались окна с толстыми пуленепробиваемыми стеклами. Я совершенно уверен, что снаружи через эти стекла будет виден только смутный силуэт. Обычные меры предосторожности.

Достав один из мобильных телефонов, я быстро сделал с десятка фотоснимков обстановки. Потом, на досуге, в деталях рассмотрю интерьер. Может быть, замечу что-нибудь интересное, на что сейчас не обращаю внимания.

Пройдя бесшумно к двери, ведущей на половину покойного, я рывком открыл дверь. Никого, кто бы коварно подслушивал нас. Только полутемный коридор, с картинами по стенам. Лестница с перилами вела наверх, в личные покои, где, наверное, оплакивает свою горькую судьбу вдова сенатора. Ее оставим на потом. И вторую дочку оставим на завтра. На сегодня мне уже хватит общения с этим семейством.

Проходя мимо стола, я налил себе полную рюмку водки, залпом выпил и закусил большой ложкой икры. Пока никто не видит, можно побыть человеком. Подумав, все повторил и, отерев губы плотной матерчатой салфеткой, пошел за пропавшей парочкой. Долго они что-то кофеек варят.

За дверьми в подсобные помещения был широкий коридор, но уже без картин. Из него направо и налево вели несколько дверей и лестница наверх, в половину Натальи. Прямо напротив лестницы полутемная комната. Тоже какое-то подсобное помещение. Наверное, когда много гостей, здесь дожидается вызова прислуга. Из-за неприкрытой двери налево по коридору пробивался свет. Я, крадучись, пробрался вдоль стены и заглянул.

Парочка обнималась. Вернее, ее женская половина изображала отталкивания мужской. Но вяло так изображала. Наверное, нравилось.

– Все, пошли! – полушепотом велела Наталья. – Ну, дурак, что ли? Все, хватит! Ну?

Я стремительно бросился обратно в столовую. К их приходу я успел закурить и прикинулся скучающим простачком.

– Кофе в первый раз сбежал, пришлось по новой варить, – это мне поведал напарник, внесший поднос с кофейником и маленькими чашечками. Есть такие чашечки, ровно на один глоток. Для лилипутов.

Наталья была несколько не смущена. Она села на прежнее хозяйское место и, подперев подбородок рукой, откровенно пристально посмотрела мне в глаза.

Я улыбнулся. Совсем немного так. Только для нее. Только для того, чтобы показать, что я понял, на чьей стороне ее симпатии в этот вечер.

– Наташа, теперь последний вопрос. На этой неделе изменения в работе фирмы будут?

– Я же не заместитель генерального директора. – Она вновь улыбнулась мне. Она скромная служащая. Она завтра придет к новому руководителю и будет выслушивать его указания. А может быть, выгонит его без выходного пособия.

– Наташа, не хотелось бы резких изменений, пока мы во всем не разобрались. Это можно устроить?

– Я думаю, да. Я попрошу об этом Сергея Никандровича. А вы завтра опять к нам на работу?

– Не знаю. Это как получится. Нам пора. Приятно было провести вечер. Хотя повод оставляет желать лучшего.

Хозяйка проводила нас до входной двери, где мы коротко обменялись телефонами и простились.

Отойдя по тротуару вдоль забора от будки охранников метров двадцать, практически к месту парковки нашего автомобиля, я нарушил молчание и спросил пребывающего в эйфории коллегу:

– Кстати, лягушатины по вкусу что напоминает?

– А я-то откуда знаю? – поразился он.

– Так ты ее целую тарелку сожрал. Один! Даже со мной не поделился.

Его перегнуло пополам и вырвало на газон. Потом еще раз.

– Саш, ты, бля, сволочь! – Он снова задержался, извергая содержимое желудка.

– Последние социологические опросы показывают, что именно так считает половина моих знакомых. Все, полегче стало? Мать его! Стой и не поворачивайся! Так и стой!

В особняк СарIBEKОВЫХ въезжал белый импортный автомобиль, за рулем которого сидел мужчина. Большого я рассмотреть не смог, так как подъехал он со стороны моей спины. Было около одиннадцати вечера, практически темно. Автомобилю сразу же, как только он подъехал, открыли автоматические ворота. Запоздалый гость? К Наталье? Или уже к вдове можно? Ждали, когда мы уйдем? Или ненавязчиво так получилось, что мы ушли, а он приехал?

– Кстати, тебе за руль, – сказал я, когда мы подошли к нашей «Тойоте».

– Ты же вроде бы не пил? Почему мне-то за руль? Куда едем, домой?

– Мне надо ноутбук забрать в ГУВД. Что ты можешь сказать по поводу услышанного?

– Ничего. Ничего конкретного. Кто это к ним приехал?

– Вернись и спроси. Мне этот мужик забыл представиться. Тебя испугался.

– Да ладно, подумаешь! С кем не бывает. А с чего ты решил, что это лягушачьи лапки?

– От жабы лапы не едят. Значит, лягушачьи. Ты в другой раз не ешь, если не знаешь, что это такое. Уставился на Наталью, словно год женщин не видел. Кстати, как она целуется?

– Да не дала целовать, вертелась. Мать его, а ты откуда знаешь? Подсматривал?

– Делать мне больше нечего, как подсматривать за вами. Так, догадался. Видок был у тебя, как у кота помойного в марте. Вскружила тебе голову эта Наталья Ралифовна. Поосторожнее будь.

Я один поднялся в свой временный кабинет, забрал вверенное имущество. Потом мы поехали домой. И домом нашим была гостиница.

Перед сном я спросил Главный сервер:

«Кто-нибудь пытался включить ноутбук?»

«Никто».

«Мне надо вывести на экран запись с камер наблюдения в доме СарIBEKОВЫХ. Около десяти вечера к ним приезжал мужчина на светлой иномарке».

«Минут через двадцать».

«Тогда утром. Пока все».

Все, спать, выходные закончились.

3

Проснулся я около семи. Первым делом закурил, подошел к компьютеру.

Ответ на запрошенную информацию несколько озадачил меня: система видеонаблюдения коттеджа сенатора СарIBEKOBA не была подключена к внешним компьютерным сетям, значит, извне проникнуть в нее невозможно. Есть вариант – считать информацию со спутника. Он может вторгнуться в любую локальную сеть, если ему дать очень точные координаты. Но наш, с соответствующим оборудованием российский спутник, будет пролетать над Новосибирском только ближе к обеду. И не факт, что вновь заступившая смена охранников не сотрет к этому времени все записи предыдущей смены. Да и черт с ней, с этой машиной! Приезжал мужик, да и хрен с ним!

Дальше, ночью мне пришло сообщение. В декодированном виде оно гласило:

«Клементьеву. По имеющимся сведениям, не позднее вторника руководство компании „BAe systems“ должно принять принципиальное решение о начале разработки, в инициативном порядке, нового типа лопастей для турбореактивных авиационных двигателей. Если данное решение будет отложено, то мы усматриваем в этом связь с убийством СарIBEKOBA».

Понятно. Если бы СарIBEKOB инвестировал деньги в новый проект, то западные корпорации просто обязаны были бы не отставать от российских разработчиков. Если сенатор мертв, то и спешить не надо. Развитие военно-промышленного комплекса любого государства идет двумя путями. Первый – это государственный заказ на разработку военной техники, естественно, за бюджетные деньги. Второй, более рискованный, – это путь инициативных разработок. Инициативные разработки корпорации производят за свой счет. В том случае, если произведенная в инициативном порядке продукция не найдет своего потребителя, то деньги, потраченные на ее разработку и производство, можно смело занести в бухгалтерских отчетах в графу «безвозвратные убытки». Откуда-то сверху, на самом высшем уровне, СарIBEKOBУ Р. Х. настоятельно «посоветовали» инвестировать деньги в российскую авиастроительную промышленность. От такого пожелания он, естественно, отказаться не мог и дал согласие на инвестиции в 80 миллионов долларов, дивиденды по которым получил бы неизвестно когда, если бы вообще получил. А вот международной «BAe systems» никто такого пожелания не высказал, и они, узнав, что СарIBEKOB мертв и вопрос с инвестициями повис в воздухе, решили не спешить. Естественно, во вторник они решат отложить перспективные разработки до лучших времен.

Ох уж эта «Бритиш Аэроспейс системс»! Прыткая, как блоха. Они там, на Туманном Альбионе, решат, что рисковать активами не стоит, а меня беспокойные московские начальники начнут трясти, как пьяный погремушку. Но, чую, в убийстве сенатора искать заграничный след преждевременно. Хотя кто его знает!

Я вскипятил воду для кофе, пошел умываться.

– Нам через сколько на работу? – пробурчал из-под одеяла Сергей.

– Теоретически в твоём распоряжении полтора часа. А практически – минут двадцать. До приезда в ГУВД мы должны кое-что обсудить. Кофе будешь?

Когда Сергей, вслед за мной, приобрел респектабельный вид и отхлебнул горячего напитка, я ввел его в суть секретного сообщения, международной политики и гнусных происков «BAe systems».

– Итак, первое, – продолжил я оперативное совещание, – с учетом разницы во времени у нас срок спокойной работы где-то до конца среды. Там англичане примут решение и начнут подгонять гужевым хлыстом.

– Это точно! За начальством не заржавеет.

– Второе: сенатора выследили. Вряд ли кто-то, будем условно называть его Стрелок, устроил слежку за автомобилем Саробекова. Хвост охрана может вычислить. И сразу же имей в виду, что за термином Стрелок может быть группа людей. Даже более вероятно, что их несколько. Этакая сплоченная группа товарищей, которые знали, где находится любовное гнездышко. Подготовились они тщательно, значит, время на рекогносцировку и планирование у них было.

– Геннадьевич, меня смущает, что при выборе квартиры люди сенатора никак не учли, что прямо напротив находится стройка. Оттуда же стрелять милое дело.

– Работы на стройке приостановили в связи с кризисом. Так бы там было полно народу. Далее. Порядок в конспиративной квартире сенатора наводила либо мамаша любовницы, либо женщина из его ближайшего окружения. Во имя элементарной безопасности сенатор не стал бы посвящать в свои интимные тайны случайного человека. Возможен шантаж, огласка. Мамашу, как сообщницу Стрелка, сразу же откинем. В любом варианте сенатор как любовник дочери – это самый дорогой человек, это кормилец, это курочка, несущая золотые яички. Остается некто из приближенных. Вот этот-то человек, вольно или случайно, мог посвятить Стрелка в интимные тайны покойного. Еще мог проговориться водитель. Но он места в точности не знал и не видел подъезд. Значит...

– Вчерашняя домохозяйка? Ну, эта, Фаина, экономка?

– Очень подходит. И у нее, заметь, конфликт с одной из наследниц. И мы вряд ли знаем всю суть конфликта. Возможно, неприязнь уходит куда-то вглубь. Все возможно. Теперь быстренько прикинем по лицам: сенатор мертв. Далее: новый хозяин выгонит его бывших личных охранников, выгонит бывшего водителя. У него наверняка есть свой водитель. Они все в проигрыше. Любовница и ее мамаша подавно. Экономка? Она пока остается. Есть о чем подумать. И вот еще, кто-то должен был заказывать пошив платьев для девочки. Как-то надо было мотивировать, для каких целей понадобилась школьная форма образца семидесятых годов. В конце концов, для любовницы надо покупать плавки, колготки, туфли. Мужчина, делающий такие покупки, привлечет внимание. Нужна женщина.

– А сама она не может купить?

– Кое-что может, кое-что нет. Как девочка лет пятнадцати станет покупать ажурные чулки? Ты Наталью-то в чулках увидел, и разговору на весь день. А тут девчонка купит. За кого ее продавщицы примут? Еще момент: сексуальные игрушки. Девчонку просто в секс-шоп не пустят, а сенатор сам ни за что не пойдет. Кто-то третий должен совершать покупки. И этот третий должен быть очень надежным человеком.

Я стал одеваться и продолжил:

– Еще момент. Быть может, ты на него не обратил внимания, но Наталья сказала, что сестрица ее чуть ли не пару лет до окончательного приезда отца без дела болталась по отчому дому. И с приездом сенатора сразу же уехала куда подальше. Факт примечательный. Что-то в этом есть.

Когда мы выходили из гостиницы, напарник дернул меня за рукав и указал на проезжавший мимо автомобиль:

– Вот он, «Ягуар».

– Ну и что? На этом «Ягуаре» ездит местный глава общества защиты бродячих животных?

– Точно такой же «Ягуар», только белый, вчера вечером в особняк Саробековых въезжал. И точно такая же машина въехала во двор, когда мы с места убийства уезжали. У меня память на автомобили. Или этот «Ягуар» был, или точно такой же. Поверь на слово, машина редкая, во всем Новосибирске и с десяток не наберется. Они и у нас в Москве редкость.

– Это ты пока блевал, смог рассмотреть машину?

– Смог, конечно. Раз в году такую тачку увидишь. Геннадьевич, давай сегодня ты за руль! Голова трещит.

– Спрашивается, кто заставлял злоупотреблять крепкими спиртными напитками? Пил бы кофе, вино, нет, на беленькую всё налегал!

Около здания ГУВД Новосибирской области, среди прочих автомобилей, был припаркован ранее примеченный шикарный белый «Ягуар». А может быть, точно такой же. Я теперь такие «Ягуары» автоматически буду замечать.

Совещание, расширенное и углубленное по поводу наступившей новой трудовой недели, проводил заместитель прокурора Новосибирской области, старший советник юстиции Городилов Иван Степанович. Лощеный дородный мужчина лет сорока пяти. Пиджачок на нем был пошит добротно и со вкусом. Наверное, такие же носят мои «друзья» из руководства «ВАе systems». Перстень на левой руке Городилова вызывающе искрился драгоценными камнями. Не стесняется ведь хлестануться показной роскошью! А потом такие вот прокуроры стонут, как тяжело жить на одну зарплату. Что бы про милицию плохого ни говорили, но у нас это как-то не принято. У нас внешнее приличие соблюдается – на совещания бриллианты не надевают.

– Конфиденциальность, конфиденциальность и еще раз конфиденциальность! – подвел Городилов итог своей пустопорожней речи. Это он, этак иносказательно, о школьной форме намекнул. Нашел, кого учить! Сам бы язык за зубами держал. А мы и не такое выдывали, да помалкиваем!

В нашем временном кабинете собралась моя рабочая группа в полном составе. Без приглашения явился Щукин.

Я еще и рот не успел открыть, как вошел следователь прокуратуры. Обращаясь ко мне, он покровительственным тоном сказал:

– Заместитель прокурора области поручил мне еще раз напомнить вам и членам вашей оперативной группы о соблюдении законности при проведении оперативных мероприятий. И еще, от себя лично хочу сказать, что вы ставите меня в известность о проведенных вами мероприятиях в последнюю очередь. Так сказать, постфактум.

Я молчал. Опыт есть. Одному прокурору как-то сказал про ноги у змеи, потом мои начальники оправдывались в высоких кабинетах, что, мол, нашего сотрудника не так поняли. А мне лично за эти змеиные конечности от имени министра внутренних дел за некорректное поведение при исполнении служебных обязанностей объявили строгий выговор.

Щукин, поняв, что ничего хорошего не предвидится, как-то по-товарищески сказал следователю:

– Коллеги все поняли. Я тоже заострил их внимание на укреплении взаимодействия со следственными органами. Обещаю вам, что впредь вы будете узнавать ход оперативных мероприятий вместе со мной. Наши московские товарищи учтут ваши замечания.

– И еще, я прошу руководителя отдельной оперативной группы, – имелся в виду я, – представить мне сегодня развернутый план мероприятий по раскрытию убийства. Пожалуйста, к обеду привезите мне его в прокуратуру.

Я молчал. Следователь, не глядя никому в глаза, вышел.

За окном вдруг громко каркнула ворона. Один из оперов, молодой Владимир, от неожиданности вздрогнул. Я, учтя глас природы, сказал:

– Владимир, вам поручается задание исключительной сложности и важности. Вы составите план розыскных мероприятий нашей отдельной оперативной группы.

– А, я, как это...

– Утвердит его, к примеру, Денис Юрьевич.

– Александр Геннадьевич, я не могу утверждать план представителя центрального аппарата МВД России, – выкрутился Щукин. Понятно, кому охота связываться с планом? За выполнение плана могут очень строго спросить.

– Хорошо. Владимир, план составишь от моего имени. Утвердит его начальник ГУВД Новосибирской области. Я у него подпишу.

– А план...

– Володя, мать его! Возьмешь любое оперативное дело по убийству. В каждом деле есть оперативный план. Поменяешь в этом плане место убийства и убитого. Мероприятия в основном оставишь те же. Никакой конкретики! То есть отработать ранее судимых, несовершеннолетних, лиц, злоупотребляющих спиртным и наркотиками. Вложи в план душу и оперативную смекалку. Узнай в отделе по работе с несовершеннолетними с десятков хулиганов, поручи в плане отработать их Латыпову. На Петра возложи проверить склонных к насилию психически больных. На себя возьми ранее судимых за убийство. Отметь в плане, что я буду заниматься анализом публикаций о СарIBEКОВЕ в средствах массовой информации. Ну, и еще я, пожалуй, отработаю информацию в Интернете.

– У нас всего несколько компьютеров, подключенных к Интернету, – серьезно сказал Щукин.

– Владимир, в плане этого указывать не стоит. В секретной части плана напишешь, что следует поручить подведомственному агентурному аппарату установить лиц, угрожавших в разговоре со знакомыми СарIBEКОВУ убийством. Отработку этой информации поручишь Петру. Там же отметить, что необходимо дать поручение оперативному составу в местах лишения свободы на разработку осужденных, которые могут указать на потенциальных сообщников убийства. И к исполнению плана в обязательном порядке привлечь все службы ГУВД. К примеру, ГИБДД. Им поручи установить все автомобили, которые въезжали во двор, где было совершено убийство.

– А как они установят?

– А нам-то какое дело? План он на то и план, чтобы его все исполняли.

– Семенов, – обратился к нему помрачневший заместитель начальника криминальной милиции области, – я уверен, что ты в срок получишь исчерпывающую справку из управления ГИБДД. И на все поручения получишь справки и отчеты. У нас лучше всего умеют отписываться.

– Ладно, мужики, – примирительно резюмировал Щукин. – Работайте. Я вижу, в Москве планы составлять умеют. Трудитесь. А я к вечеру девчонку найду.

– Мать его! Ищи! И пусть убийца знает, что мы напали на его след. Ищи, а я план составлять буду. У меня до среды есть время. А ты ищи, ищи!

– Почему до среды?

– Потому что в среду в Москве прокукарекает жареный петух! Если я к среде внятно не скажу, как я планирую найти убийцу и кто, по моему мнению, мог совершить убийство, то меня под аплодисменты ваших прокуроров публично линчуют на главной площади Новосибирска. Мне убийца нужен! Мне не нужны показатели, сколько отработали ранее судимых, которые об этом убийстве и слыхом-то не слышали. Иди, арестовывай девчонку!

– А ты, часом, не знаешь, кто она такая?

Я посмотрел на Сергея. Он усмехнулся, затушил в пепельнице сигарету и сказал:

– Мужики, пошли покурим!

Все вышли, оставив нас вдвоем.

– Слушай, Денис Юрьевич, кто эта девчонка, я не знаю. Но если ты ее удержишь, то первый, кто с ней должен разговаривать, – это я. Если я, после прокурорских, буду вторым, то поищи себе другую работу. Я обещаю тебе, что я там, в Москве, аппарату министра внутренних дел кровью поклянусь, что если бы не ты лично, то я бы раскрыл убийство СарIBEКОВА. А они, в Москве, ошибок никому не прощают.

– А если я раскрою убийство?

– Раскрывай. Я первый пожму тебе руку и с чистой совестью уеду в Первопрестольную. Но девку оставь мне. Это моя тема.

– Тебе нужна помощь?

– Пока нет. Как станет нужным, попрошу.

– Я найду девчонку к исходу дня. До того, как ты с ней переговоришь, буду держать ее в своем кабинете. Только сам пойми, долго не смогу.

Я крепко пожал ему руку:

– Сработаемся, Денис Юрьевич!

– А все-таки почему у вас время до среды?

– Планерка будет у министра. Моему начальнику там отчитываться, – соврал я.

– А, ну тогда понятно.

Когда вернувшимся моим оперативникам я раздал задание и они ушли, Сергей, покури-вая в открытое окно, тихо сказал:

– Александр Геннадьевич, я у парней узнал, чей это «Ягуар» стоял перед управлением.

– ?..

– Это автомобиль заместителя прокурора Новосибирской области, старшего советника юстиции Городилова Ивана Степановича.

В вестибюле «Сибирской инвестиционной компании», в которой мы уже вчера были, к нам подошел полноватый мужчина лет пятидесяти пяти. Выдохнув крепким водочным перегаром, он представился:

– Начальник службы безопасности Петров Алексей Прохорович.

– Алексей Прохорович, если не секрет, у вас что, поощряют приходить на работу с похмелья? Или гибель хозяина так усердно отмечали?

– Да все равно теперь. – Он обреченно махнул рукой. – Нароботался, одним словом.

– Судя по всему, вы из «бывших»?

– Бывший полковник МВД.

– Это радует, что из МВД. С братьями по крови всегда проще найти общий язык. Значит, так, водку сегодня не пить. К кофе не прикасаться. Только крепкий сладкий чай. Побольше чая. Нас ждать у себя в кабинете. Мы тут немного пообщаемся с руководством и придем к вам.

– Меня, может быть, к тому времени уже уволить успеют.

– Если к тому времени уволят, то все равно никуда не уходите и ждите нас. Где, кстати, кабинет заместителя Сарибекова? О, провожать нас не надо. А то от такого ядерного перегара он в обморок упадет, а мне с ним поговорить надо.

Рядом с кабинетом генерального директора располагался отдельный кабинет его заместителя, Кононенко Сергея Никандровича. Секретарь его, в отличие от секретарш покойного, была возрастом ближе к пятидесяти. Она доложила о нашем прибытии и пригласила пройти.

В просторном кабинете, по размерам несколько не уступающем вчерашнему, с точно такой же планировкой, сидел облаченный в строгий деловой костюм очень серьезный господин.

За приставным столиком, слева от него, с раскрытым блокнотиком, изготавившись записывать мудрые мысли начальника, пристроилась Наталья Ралифова.

Напротив нее сидел гладко выбритый широкоплечий мужчина лет примерно тридцати пяти, кареглазый, широколицый. Являлся этот красавец начальником юридического отдела. Несмотря на то что звали его Погосян Арсен Григорьевич, внешность его, в национальном аспекте, была нейтральной. Понятно, что кто-то из его предков был выходцем из Закавказья, но с годами кровь их перемешалась с местным русским населением, и в итоге выглядел он просто смуглым.

После вступительного словоблудия приступили к делу. Конечно же, Кононенко нового нам ничего не сказал. Да я и не рассчитывал после того, как его успели допросить все кому не лень, узнать от него что-то новое.

– Скажите, СарIBEKов должен был сегодня подписать договор об инвестициях. Кажется, что-то связанное с производством авиационных двигателей. Какова теперь будет судьба этого договора?

– Извините, что-то не нахожу связи между убийством и этим договором, – вступил в разговор Погосян.

– Мы отработываем все версии. – Я недовольно посмотрел на него. – Так что про договор? Кононенко украдкой посмотрел на Наталью, сидевшую скромно, незаметно.

– Судьбу договора, если пожелает, будет решать новый совет директоров. Так прописано в уставе нашей фирмы. Совет директоров будет избран общим собранием учредителей. Я думаю, что раньше чем через месяц в данном вопросе ясности не будет. Во всяком случае, я не имею полномочий на такое отчуждение финансовых средств.

– Ну что же, пускай учредители и решают, – охотно согласился я. – Разрешите откланяться. Приятно было познакомиться, Сергей Никандрович. До свидания, Наталья Ралифовна.

Арсена Григорьевича я демонстративно игнорировал. Что-то мне не очень была понятна его роль на этой встрече. А то, что он специально был приглашен для встречи с нами, я не сомневался.

В коридоре напарник спросил:

– Наталья у него сидела, чтобы он знал, кто в доме хозяин?

– Скорее всего. Понятно, денешки свои они на двигатель не пожертвуют. Считай, что в Лондоне это уже известно. Мерзкая история, время утекает сквозь пальцы. Никто не хочет рубль на авиастроение любимой Родине пожертвовать.

– А ты бы стал?

– Честно? Не знаю. Но я и не наворовал миллиард!

– Дочки, кстати, тоже сами государство не грабили. Они-то все законно получают, по наследству. К ним не придерешься.

Внешний вид начальника службы безопасности не ухудшился. Он угрюмо сидел за столом в своем небольшом кабинете и помешивал ложечкой остывший чай, который сам и приготовил. Ему секретарь не полагалась.

– Итак, для начала... – У меня зазвонил телефон.

Я несколько не удивился, что это Наталья, которая пригласила меня к себе. Одного и срочно.

– Сергей, я скоро. Ждите!

Кабинет Натальи Ралифовны был на седьмом этаже. Здесь тоже только что вскипел чайник, но приготовились пить кофе.

Я присел в кресло у чайного столика, придвинул к себе пепельницу.

– Александр Геннадьевич, – она сделала маленький глоточек кофе, достала сигарету. – Мне сказали, что вы вчера нашли квартиру, из которой выходил отец.

– Дальше не надо. Может быть, исключительно для взаимопонимания, вновь перейдем на «ты»?

Мы пристально, разделенные небольшим столиком, посмотрели в глаза друг другу.

– Наталья, во-первых, я не обязан был рассказывать тебе при первой встрече об интимной жизни твоего отца, которая стала известна мне в связи с расследованием его убийства. Во-вторых, не обязан этого делать сейчас, но для тебя сделаю исключение и объясню мою позицию. Сдается мне, что во время этого расследования я не только о твоем отце, о многих узнаю массу нелицеприятных вещей. Предчувствие у меня такое. Но запомни, то, что знаю я, это знаю только я. У меня профессия такая – знать чужие тайны и копаться в чужом белье. Наташа, есть

люди, которые с брезгливостью отнесутся к тому, что у твоего отца была, мягко говоря, несовершеннолетняя любовница. И, наверное, они будут по-своему правы. Мне же это совершенно безразлично. Для меня есть только факты и цель, к которой они ведут. И честно говоря, плевать мне на развлечения твоего отца. Не насиловал же он эту девчонку. Кстати, ты ее знаешь?

– Нет, конечно же.

– Не хочешь говорить, не надо.

– Александр Геннадьевич, – смягчилась она, – я догадывалась, что у отца любовница несовершеннолетняя. Но вот с кем именно он встречается, я честно говорю, не знала. Ну, представь, он что, знакомить меня с ней должен? Он ведь отец мне.

– Зачем вчера приезжал Городилов? Он к тебе приезжал или к вдове? Хотя приезжал он к тебе и между делом рассказал о квартире. Так ведь?

– Он друг нашей семьи, приезжал узнать, как у меня дела, рассказать, как продвигается следствие.

– Он всегда рассказывать новости ночью приезжает? Не хочешь, не отвечай.

– Нет, раньше не приезжал. Да раньше и отец был жив. К нему, может, и приезжал, а со мной у него дел не было.

– Надолго он вчера задержался?

– Да нет. А ты вообще что еще хочешь спросить?

– Я все спросил.

– Александр Геннадьевич, если тебя, – она подчеркнула «тебя», – интересует, сплю я с ним или нет, то я отвечу: не спала и спать не собираюсь. Доволен?

– А Инна? – без всякого перехода, «на автомате», спросил я.

– Не знаю. Она меня в свои интимные дела не посвящает. Еще раз тебе говорю, у меня с Иваном Степановичем раньше никаких дел не было.

– Теперь, надо полагать, появились. Он сам рассказал, что нашли в квартире? Или ненавязчиво получилось, как бы случайно проболтался?

– Ненавязчиво.

– Про нас с Сергеем спрашивал?

– Ну да, кто такие, о чем говорили. Александр Геннадьевич, а почему он не может мне правду рассказать?

– Да пусть рассказывает. Я ему на роток не накину замок. Он, кстати говоря, сегодня утром всем пообещал кары небесные, если кто-нибудь лишнего об интимной жизни твоего папаши ляпнет. А сам, как помело, на ночь глядя прискакал к тебе и всё растрепал.

– Александр Геннадьевич, убили мне не постороннего человека.

– Хорошо, будем вопрос о Городилове считать исчерпанным. У меня к тебе, Наташа, просьба. Личная. Дай указание, чтобы никого из персонала на этой неделе не увольняли. Дай мне неделю поработать, хорошо? Потом что хотите, то и делайте. И еще, мне надо увидеть вдову. В вашем доме я могу это сделать?

– Завтра утром я ее вышвырну вон. Но пока она там.

Мы встали из-за стола, подошли к двери.

– Ты сказал, что узнаешь обо всех нас...

Кто-то робко постучал и попытался открыть дверь внутрь кабинета. Ему бы это удалось, но я предусмотрительно подпер дверь ногой. Образовалась только щель с десяток сантиметров. И вообще, что это за манера такая, постучать в дверь и, не дожидаясь никакого ответа, вламываться? Зачем тогда стучать?

– Да, Наталья Ралифовна, – громко сказал я, – мы учтем это!

По коридору зацокали удаляющиеся каблучки смутившегося визитера. Вернее, визитерши. Но интимность момента была испорчена. Теперь мы просто вынуждены были попрощаться, и я был готов уйти, так и не поцеловав сенаторскую дочь. А жаль! Случай предо-

ставлялся отменный. Было бы потом что вспомнить! Сказал бы как-нибудь, между делом, заместителю нашему, Дейсу: «Помнишь, Эдуард Борисович, дело по убийству сенатора? Так вот, как-то раз целовался я с его дочкой, ну с той, у которой состояние пять миллиардов рублей...»

– Саша, – прошептала Наталья, вплотную приблизившись ко мне, – ты сказал...

Я вновь прижал ногой дверь, притянул ее к себе и с чувством поцеловал. Начало наших взаимоотношений было положено по обоюдному согласию и желанию.

– Наташа, как только скажешь, мы встретимся. Один звонок, и я у тебя. Извини, но сейчас мне пора.

Вернувшись в кабинет начальника охраны, я сказал:

– Итак, джентльмены, продолжим! Кстати, вы не скучали? Сергей, ты ввел его в суть дела? Алексей Прохорович, если уж совсем плохо, можете выпить граммов пятьдесят. А то что-то уж неважнецки вы выглядите.

Начальник службы безопасности открыл шкафчик, достал початую бутылку водки, налил рюмку и, не закусывая, выпил. Тренировка. Не зря в МВД работал.

– Теперь обо всем по порядку. Где родился, где крестился. Как с СарIBEковым стал работать.

– Мне пятьдесят один год. Десять лет назад я был в должности начальника криминальной милиции одного из райотделов здесь, в Новосибирске. Выслуга лет уже позволяла мне уходить на пенсию, но я о ней еще не помышлял. С СарIBEковым я познакомился случайно на какой-то презентации, разговорились, и он предложил возглавить его службу безопасности. Я, недолго думая, согласился. В мои обязанности входит обеспечение безопасности лично его, членов его семьи и самой организации, располагающейся в этом здании. Экономической безопасностью занимается мой заместитель. Коротко все. Про убийство меня уже ваши спрашивали. Абсолютно ничего пояснить не могу.

– Какие взаимоотношения были у Городилова и СарIBEкова?

– У того, который заместитель прокурора области? Где-то лет пятнадцать назад СарIBEков насмерть сбил на своем автомобиле женщину. Городилов тогда работал в ГАИ и подделал материалы ДТП так, что никакой вины СарIBEкова не было. Ну, естественно, родственникам погибшей хорошо заплатили и дело замяли. С тех пор Ралиф стал во всем покровительствовать Городилову. Перевел его в прокуратуру, всячески поддерживал. Без него он никогда бы не стал заместителем прокурора области. Все знают, умом Городилов особенно не блещет.

– В последнее время у них отношения не испортились?

– Да кого там! Городилов, как холуй, перед СарIBEковым всегда прогибался. Стоило только Ралифу пальцами щелкнуть, как этот прокуроришка на цырлах прибежал.

– А с дочерьми как у Городилова отношения?

– С Натальей я его раньше никогда не замечал. Он для нее так, один из свиты отца. А про Инну ничего не скажу, она очень и очень скрытная. Но с Городиловым я ее тоже не замечал.

– Теперь про Фаину, экономку.

– Эта была предана, как собака. Не гнушалась никакой грязной работы, лишь бы он ее похвалил и перед другими слугами возвысил. Как человек она мстительная, скрытная, но умная и очень осторожная. На конфликт никогда открыто не пойдет, но камень за пазухой держать будет.

– Чем для нее обернется смерть?

– Как я со стороны думаю, она с Натальей не уживется. Может, Инна себе заберет. А вообще, она от его смерти только проигрывает. При жизни сенатор за нее всегда заступался.

– Семья, дети?

– Никого у нее нет.

– А с самим СарIBEковым у нее ничего не было?

– Для него все женщины старше тридцати лет – древние старухи. Фаине за пятьдесят, так что она для него и двадцать лет назад была старой каргой.

– Ну, теперь про девочку Машу. Про сладенькое. Про увлечение достопочтенного сенатора девушками подросткового возраста. Не надо на меня так удивленно смотреть. Если я про это спрашиваю, то про девочек уже знаю. И я разрешаю, исключительно для поправки здоровья, принять еще граммов пятьдесят.

Он выпил, закурил «Кент», откинулся в угловом кресле. Кстати, все это время за его столом сидел я.

– Как-то раз мы днем ехали, часа в два. Ралиф на переднем сиденье, я с охранником на заднем. На остановке рядом с метро «Октябрьская», так чуть поодаль, у дороги, стоит девчонка. Лет шестнадцать-семнадцать. Худенькая, с длинными светлыми волосами. Одета в такое простенькое пальто, шапочка вязаная. Ралиф велит остановиться, подходит к ней и минут десять о чем-то говорит. Возвращается, велит мне сесть на переднее сиденье, отпускает охранника и с девчонкой садится на заднее сиденье. Всю дорогу он ее смешит, какие-то истории рассказывает. Потом приказывает остановиться. Сам садится за руль, нам велит возвращаться в офис и с этой девчонкой куда-то уезжает. Возвращается часа через два, один. Было это лет семь назад. После этого случая он по телефону стал часто общаться с некой Мариной. Насколько я понимаю, с той девчонкой, с которой уезжал. Прошло года полтора. Я сам за рулем был, Ралифа пьяного вез из бани. Он мне говорит, жалко, что с Маринкой пришлось расстаться. Классная, мол, телка была, только вот старая стала и вообще надоела. Так вот, сколько у него таких Марин было, я не знаю. Маши этой вашей тоже не знаю и не видел.

– Теперь о замужестве Натальи.

– Где она нашла этого Валеру, я просто ума не приложу. Он телок, безобидный. Но парень порядочный и своенравный. В общем, они встречались с полгода. Ну, на это внимание никто не обращал. Вокруг Натальи всегда ухажеров много вьется, да только она в большинстве их близко к себе не подпускает. Тут как гром среди ясного неба: она за него замуж выходит. Ралиф с ней вдребезги разругался. Она ушла из дома, но через месяц-полтора он ей и квартиру новую купил, и свадьбу оплатил. Наталья, когда ей надо, умеет так взбрыкнуть, что мало никому не покажется. Муж ее не просто любил, он ее боготворил. Как-то раз у них сломалась машина, и я подвозил Наталью с мужем с вечеринки, из Академгородка. По дороге они рассорились. Наталья пьяная была, Валера практически трезвый. Они вышли из машины поговорить, а все дело происходит на Старом шоссе, около Матвеевки. Дождь начинался, вечер. Она ему что-то высказала, влепила пощечину и велела уезжать. Мы уехали, а он остался на трассе один. На другой день смотрю, Валера, как ни в чем не бывало, около нее вьется. И мне говорит, мол, я был не прав, зря приревновал ее на гулянке. Вот такой вот мужичок-простачок.

Мы с Сергеем незаметно переглянулись. Наша знакомая, оказывается, ещё и дерется.

– Год назад, – продолжил Петров, – вызывает меня Ралиф и внезапно говорит, мол, если этот ублюдок подойдет к Наталье ближе чем на километр, прикажи ему все ребра переломать. И все, Валера исчез в одночасье. Больше его никто не видел. Как говорят, они все между собой здорово разругались, причем Наталья и отец были на одной стороне, чего раньше никогда не было. Она за мужа всегда вступалась. А тут что-то такое произошло, что они его не только за один день из дома выгнали, они его вообще из города выперли. Он уехал к матери в Кемерово, там и живет. А развели их потом наши юристы без их личного участия. Что между ними произошло, никто не знает.

– А сейчас у Натальи как с ухажерами?

– Серьезного вроде бы ничего нет. Бегаёт тут один программист вокруг нее как собачонка. Некий Андрей Киселев. Так себе мужик, ни рыба ни мясо. Но она на него много внимания не обращает. Да кто ее, эту Наталью, поймет? Вышла всем вопреки замуж за простолю-

дина, потом его же на пинках выгнала. А вообще-то ей мужчины нравятся вот такого типа, как он, – Алексей Прохорович показал на Сергея. Тот был невозмутим.

– Еще вопрос. А Погосян, он вообще тут кто? Что-то мне он не показался обычным начальником отдела, даже такого важного, как юридический.

– С Погосяном этим вот такая история. Старшая дочь СарIBEKOBA, когда училась в Москве, в фармакологическом институте, где-то на последних курсах снюхалась с одним прохиндеем, как его, неформалом. Он музыкант был, что ли. В общем, человек, который живет одним днем, зарабатывает не на жизнь, а на рюмку водки: выпил, значит, день удался. К тому моменту, как он познакомился с Инной, этот парень уже прочно сидел на наркотиках. В общем, не знаю, что Инна в нем нашла, но стала с ним, наркоманом, жить. Естественно, мы, служба безопасности, об этом узнали, и я Ралифу все как есть доложил. Он вроде бы вначале ничего не сказал, потом говорит, что, мол, дочка перебесится, сюда приедет и вся дурь пройдет. Но она на пятом курсе совсем забросила учебу, только по кабакам с этим парнем шляется да деньги у отца выпрашивала. Словом, вся ее учеба могла накрыться медным тазом.

– Обстоятельства ее личной жизни тоже ваша служба безопасности установила?

– Конечно! Мы еще и не такое можем! У нас же в Москве в то время свое представительство было. В общем, когда Инна училась на пятом курсе, ее задержали с наркотиками, возбудили уголовное дело. Все, конечно, понимали, что она не для себя наркотики несла, но попалась-то она, а не этот мужик. В общем, неприятная история.

– Дальше, дальше. На бутылку поглядывать не надо. Что потом?

– Погосян этот тогда работал в Москве, в ФСБ. Вообще-то он откуда-то с Воронежа, что ли, но тогда в Москве жил и работал. Поговаривали, что наши местные, из ФСБ, свели СарIBEKOBA с ним, но точно не знаю. Только потом Погосян этот все дело с наркотиками замаял: к чему-то там подучил адвокатов придраться, мол, с нарушением УПК наркотики изъяли, на кого-то в милиции надавил, и все, дело прекратили. Его за это с работы поперли, а Ралиф сразу же к себе взял. Скорее всего, у них такая договоренность заранее была: если Погосяна с работы выгонят, то Ралиф его сразу же к себе принимает. Так все и получилось. Вначале Арсен референтом у СарIBEKOBA был, потом начальником юридического отдела стал. А парень этот, наркоман, сразу же после этой истории помер.

– Парень, надо так полагать, именовался диджей Валлентино?

– Вот, вот, так его, подлеца, и звали.

– Забавная история! Всё уважаемый Ралиф Худатович без проблем решает. Хоть свое уголовное дело может похерить, хоть дочкино. Как я понял, Погосян и Инна до того, как на нее возбудили уголовное дело, друг друга не знали? Значит, так! Сейчас ты, Алексей Прохорович, поедешь с нами. Начальству скажи, мол, на допрос забирают. Сам езжай домой, похмелись, отоспись, отмойся. Завтра ты должен быть на работе как обычно, бодр и свеж. Никто тебя не увольняет, я все решил. Но я обо всем, что в вашей конторе происходит, должен знать первым. Икнёт кто громче, чем обычно, ты уже мне по телефону докладываешь. Понятно?

– Александр Геннадьевич, я тебе ввек благодарен буду, клянусь. Помоги мне сейчас, а я в долгу не останусь!

– Да ладно, всё, проехали. Был бы ты чекист, клянусь, пальцем бы не пошевелил. А своих надо в беде выручать. Готовы, джентльмены? Тогда в путь!

В автомобиле, когда мы остались одни, Сергей сказал:

– Чем дальше в лес, тем больше дров. Но, по-моему, убийство это не по нашей теме. Кстати, Александр Геннадьевич, с каких это пор ты в диджеях стал силен? Вроде бы раньше ты в музыкантах особо не разбирался.

– Да я и сейчас только про одного знаю. Как бы там ни было, друг мой, факт остается фактом – кто-то подложил нашему авиапрому свинью. Вольно или невольно, но убийца уничтожил выгодный государству контракт, пустил на ветер восемьдесят миллионов долларов. И

пока мы внятно не скажем, есть здесь умысел на подрыв обороноспособности России или нет, с нас не слезут. А сказать мы сможем только в одном случае, когда найдем убийцу. Значит, так, бери вертолет – и в Кемерово, здесь недалеко. К вечеру чтобы этот муж Валера ждал меня в кабинете. Задача ясна?

– Конечно, ясна. А где я вертолет возьму?

– Считай, он уже ждет тебя в аэропорту.

– А вот смотри, Геннадьевич, нравятся такие, как я, Наталья. Зря начальник службы безопасности говорить не будет.

– Если она тебе пощечин на кухне не надавала, это еще ничего не значит.

– Да не было между нами ничего такого.

– Мы приехали, господин совратитель сенаторских дочек.

В своем кабинете в ГУВД я быстро, через московское руководство, определился с вертолетом. Что-что, а вертолет-то мне дали без вопросов. Потом подписал у начальника ГУВД план оперативных мероприятий. Генерал, бегло прочтя творение молодого Владимира, уже собрался ставить утверждающую визу, как увидел пункт о несовершеннолетних.

– Какие, мать его, малолетки? – нахмурился он. – Сенатора из снайперской винтовки убили, а вы недоносков отрабатывать собираетесь?

– Все версии надо отработать. Меня так в Москве учили. Но если вы считаете...

Он махнул рукой и расписался. Кому охота спорить с московским бюрократам? Пусть пишет в плане что хочет. Все равно никто его читать не будет.

– Щукин установил девчонку, – сообщил Петр.

– Уже? Как?

– Её в двенадцать лет задерживали на мелкой краже в магазине и на всякий случай взяли отпечатки пальцев. В квартире, понятно, ее пальчиков пруд пруди. Словом, Щукин за ней сам поехал.

– Я-то думал, он блеснул искусством сыщика! Мастерством оперативника! А по пальчикам-то каждый сумеет. Значит, так, – проинструктировал я остающегося в ГУВД Петра, – как только девчонку привезут, мне немедленно доклад.

Покончив с текущими делами, я созвонился с СарIBEКОВОЙ Инной Ралифовой и договорился о встрече. Она предложила встретиться у нее дома, я согласился. Судя по местам рандеву, у дочерей сенатора я начинаю пользоваться определенной благосклонностью.

Еще час у меня ушел на работу с компьютером. Потом вновь поездка.

Вместо Сергея, который отправился на аэродром, я взял с собой Владимира, и минут через сорок по забитым пробками дорогам мы подъехали к семейному особняку СарIBEКОВЫХ.

В прихожей нас встретила Фаина, все так же одетая в темное и еще более мрачная, чем накануне. Следуя за ней, мы поднялись в библиотеку на втором этаже основного здания.

Библиотека, располагавшаяся прямо над столовой, была очень просторной комнатой, имевшей с торцевых сторон отдельные входы. Окон в этой комнате было пять. Напротив них всю стену занимали книжные стеллажи от пола до потолка. Около одного из окон стоял журнальный столик с большой фотографией покойного в рамке. Траурная ленточка, свежие цветы перед портретом. СарIBEКОВ был в деловом костюме, с красивым загадочным орденом на груди.

В углу был еще один столик. Около него полукругом стояли четыре кресла. Удобное место для уединенной беседы. На стене также была небольшая фотография всей семьи, сделанная примерно десять лет назад, где-то на фоне моря. СарIBEКОВ был в купальных плавках с полотенцем, перекинутым через плечо. Его жена, миловидная, чуть полноватая женщина, в цветастом открытом купальнике. Дочери в однотонных закрытых купальниках. Наталья стояла

рядом с отцом, Инна – рядом с матерью. Левой рукой сенатор обнимал жену за талию. Все улыбались. Семейная идиллия.

Я прошелся вдоль книжных полок. На мой взгляд, эту внушительную коллекцию книг собирали и сортировали исключительно по цвету и фасону корешков. Она была не более чем интерьером мебели. Книги на английском языке соседствовали в ней с собранием сочинений В. И. Ленина. Представленная не меньше чем полусотней экземпляров «Библиотека приключений и научной фантастики» была рядом с трудами Достоевского, Горького, Чехова. Тут же какие-то новомодные писатели вроде Джеймса Роллинса и Уилбура Смита. Нижние полки заполняли дешевые детективы, которые под женскими именами сочиняют целые команды авторов. В углу, выбиваясь из общего стиля, стояло несколько потрепанных книг по геологии и добыче нефти. Наверное, только их и читали постоянно. Понятно, почитывал, вспоминая тяжелую молодость, сенатор.

Убранство библиотеки произвело на моего молодого спутника большое впечатление. Но еще больше он удивился, когда ввалилась пьяная вдова.

Рыжие волосы ее были растрепаны, на лице нет и следов косметики. Поверх прозрачной комбинации она накинула очень короткий халат, запахнутый так, что открывался прекрасный и просторный вид ее внушительных грудей. На ногах вдовы были тапочки. Правда, кольца и серьги имелись в должном количестве.

Она нажала кнопку около курительного столика, и появилась Фаина.

– Принеси выпить мне и этим господам. Присаживайтесь, пожалуйста. Курите? Здесь можно курить, – так необычно, без всяких приветствий, начала она свой часовой монолог. И говорила она, что интересно, с каким-то акцентом. Я вначале думал, что прикидывается, изображает из себя сербку, но это и вправду был акцент. И чем пьянее она становилась, тем труднее было понять некоторые слова.

Из принесенной невозмутимой экономкой бутылки коньяка вдова одна, без нашей помощи, выпила половину. Когда ей временами становилось жарко, она без всякого стеснения распахивала халат и, освежаясь, помахивала полами.

Рассказ ее сводился к тому, что она, по глупости, попала в эту гнусную семейку. Все родственники получили самые уничижительные характеристики. Естественно, больше всех досталось Наталье. Меньше всех покойному мужу. Интересного ничего не поведала.

В конце вдову стало тошнить, и она удалилась в свои покои. Я, как завсегдатай, вызвал кнопку Фаину и велел проводить нас. Бредни дуры, откинутой на обочину богемной жизни, меня не интересовали.

Когда мы отъезжали, Владимир, пришедший в себя после такого чудного шоу, спросил:

– Александр Геннадьевич, как вы думаете, а зачем он на ней женился?

– Ты видел ее в журналах светской хроники? Когда она при параде, то очень даже ничего. Дело вкуса, конечно, но она очень привлекательная. К тому же молодая – ей всего-то двадцать шесть лет. А сенатору по статусу нужна молодая красивая жена. Она у него как необходимый аксессуар, как добротный пиджак и часы «Ролекс». К тому же какая-никакая, а практически иностранка. Она хоть и родилась в России, но сербка по национальности. Экзотика, понимаете ли!

– Ей всего двадцать шесть лет? Как мне?

– Проспится, накрается, приоденется и разом помолодеет. Она просто пьет с субботы, не просыхая, вот и выглядит неважно. А вообще-то, зря ты на нее! Фигура, грудь, ножки, все при ней. Третий день коньяк глушит, а личико еще ничего, не опухшее. Значит, так, мой юный друг. К старшей дочери сенатора я пойду один. Жди меня в машине. Вот здесь, напротив клумбы, и останови, я пройдусь немного.

Инна жила в одном из трех стоящих параллельно домов, которые принято называть «элитные». Территория двора была огорожена ажурной металлической оградой, въезд перекрывал шлагбаум. В будке у него сидели двое охранников, светились дисплеи мониторов камер наружного наблюдения.

Вдоль лицевой стороны ограды шла дорога, по которой едва могли разъехаться два джипа. С другой стороны дороги был невысокий кустарник, за которым начиналось что-то подобное небольшому заброшенному парку. Там же была трансформаторная будка, исписанная граффити.

Темнело. Начал накрапывать мелкий неспешный дождик.

Отметившись у охранников как гость, я прошел в первый подъезд двухподъездного дома, миновал консьержку в стеклянной будке и подошел к лифтам.

Словно желая посмотреть пришедшее сообщение, я достал мобильный телефон, переключением трех клавиш взвел антилазер и ввел временную блокировку. Теперь по этому телефону, как обычно, можно будет звонить, а можно, если обстоятельства заставят, выжечь противнику узким лазерным лучом сетчатку глаз. Очень полезная вещь!

Второй телефон я поставил на непрерывную аудиозапись, потом расстегнул куртку, проверил, легко ли вытаскивается пистолет из кобуры на пояснице, и позвонил в дверь.

Открывшая старшая дочь покойного сенатора наяву была гораздо привлекательней, чем на фотографии. У нее было несколько уставшее, но миловидное лицо. Косметикой она не злоупотребляла. Черные волосы до плеч над ушами были подняты узкими золотыми заколками. С мочек ушей свисали поигрывающие небольшими бриллиантами серьги.

Фигура ее представляла собой что-то умеренно среднее между суперсексильной вдовой и худощавой младшей дочерью. Черты лица несли легкий налет Востока.

Одета Инна была в темно-коричневое платье с короткими рукавами. На ногах туфли-лодочки. Телесного цвета колготы дополняли этот явно не домашний и не будничным наряд. Как бы то ни было, чем бы это ни было вызвано, но и эта дочь магната решила оказать на меня впечатление.

Из просторной прихожей мы прошли в большую комнату, которых, как я помню, всего пять. Эта комната была центральной и служила для приема гостей. В углу находилась стойка бара, куда прошла хозяйка, пригласив меня присаживаться в кресло рядом со стеклянным столиком.

На столе стояла уже знакомая фотография покойного с орденом на груди и черной траурной лентой. Тут же, на столике, была хрустальная пепельница, начатая пачка ментоловых сигарет.

Задав мне несколько приличествующих случаю вопросов, хозяйка с двумя бокалами для коктейля присела напротив.

– Попробуйте, Александр Геннадьевич, мой фирменный коктейль. Я называю его «Вечерняя свежесть». Он немного алкогольный, но, я так думаю, у вас уже закончилось рабочее время. Попробуйте, не пожалеете.

В коктейле чувствовались алкоголь и ментол. Был он просто отличным, целый вечер бы такой пил. Хотя я не специалист по коктейлям, но этот мне очень понравился.

– Вы именно такой, каким вас мне описали. Я даже думала, что вы несколько покрупнее, но вы и так производите впечатление крепкого мужчины. Сколько вам лет?

Я улыбнулся, достал сигарету.

– Инна Ралифовна, вы просто обескураживаете меня. Вообще-то это я должен задавать вопросы. Но я с удовольствием отвечу вам: мне тридцать семь лет, рост сто семьдесят семь сантиметров, вес семьдесят килограммов. Во мне нет ни капли лишнего жира. Размер ноги сорок второй. Я работаю в главном департаменте уголовного розыска МВД России. Звание подполковник милиции. Женат. Воспитываю дочь девяти лет. Вроде бы все.

Она засмеялась.

– Я люблю людей со здоровым чувством юмора. Хотя, честно говоря, сама шутить не умею. Многим мои шутки кажутся обидными. Но это все от того, что я реалистично смотрю на жизнь и не пытаюсь следовать догмам приличия. Я, как нынче модно говорить, неполиткорректная. Я назову негра негром и дурака дураком, не выдумывая благозвучные синонимы. Я могу себе это позволить.

Отпив пару глоточков, Инна продолжила:

– Я второй член нашей семьи, с кем вы знакомитесь. Так вот, во многом я, как отец, сделала себя сама. Я понимаю, вы можете возразить, а как же папины денежки и его влияние в обществе? Неужели это мне не помогло подняться в жизни? Помогло. Глупо отрицать очевидное. Но только я и Наталья были в равных стартовых позициях. В итоге у Натальи собственных денег практически нет, а у меня процветающая сеть аптек оценочной стоимостью три миллиона долларов. Я сама по себе, без наследства, девушка очень обеспеченная. Вы знаете, как мы при живом отце получали дивиденды от фирмы? Никогда не догадаетесь. У меня и у Натальи, если вы не знаете, по десять процентов долей отцовской корпорации. Раз в году общее собрание собственников, а фактически это отец единолично, принимало решение о выплате дивидендов. В принципе, на одни эти деньги можно обеспеченно прожить весь следующий год. Так вот, отец от причитающейся нам доли забирал себе половину. Просто так забирал, чтобы знали, что к его фирме мы отношения не имеем. Оригинально, не правда ли? Наталья с него потом свои деньги, так или иначе, выколачивала, а я нет. Я сама могу кому угодно денег подкинуть. Хотя делать этого не стану. Мои деньги я, пафосно говоря, заработала своим умом и своей кровью. Кто тяжело, а главное, честно заработал деньги, тот на благотворительность их не пожертвует. Но это мое личное убеждение.

Я молчал. Я умею молчать. Здесь, в отличие от вдовы, было что послушать.

– Вы давно приехали?

– В воскресенье.

– Тогда, я полагаю, моя сестрица еще не успела затащить вас к себе в постель?

– А должна была? Честно говоря, пока даже не намекала. И зачем ей я, первый встречный? У нее временный недостаток мужчин? Или для экзотики?

– Наверное. Я тут после обеда пообщалась с ней и поняла, что вы ей понравились. А так как Наталья все любит попробовать на зубок, то...

– Инна Ралифовна, вы не второй член вашей семьи с кем я общаюсь, а третий.

Она звонко, от души засмеялась.

– Александр Геннадьевич! Неужели вы всерьез думаете, что кто-то воспринимал Милу как жену нашего отца? Это она-то мне мачеха? И годами, и умом не вышла. Да и отец в последнее время не знал, как от нее избавиться. Ну а мы... Как-то раз Наталья с ней повздорила на вечеринке. А Наташка, когда пьяная, тормозов не имеет. Ну, слово за слово, Наталья ей и надавала пощечин и за волосы прилюдно оттаскала. Гости были в шоке, а отец стоял и смеялся. Ему, наверное, было очень весело. Фаина говорила, что Милка пьет, с самых похорон не просыхая. Но, но допьется. Завтра ее Наташка выкинет вон, и вещички собрать не успеет.

– Раз уж о том зашел разговор, расскажите мне о...

– Еще коктейль? – Она старалась держать инициативу разговора в своих руках. – Я знала, что вам понравится. С кого начать?

– С отца, – сказал я и подумал, что остальные, по уму, к его убийству отношения иметь не должны. Но это если по уму.

Инна прошла к бару и оттуда продолжила:

– Мой отец всю жизнь был подонком и сволочью. Такие подлецы, как он, штучный товар. Это был человек, начисто лишенный каких бы то ни было моральных принципов.

Инна села напротив и протянула мне бокал.

– Вас не коробит такая характеристика покойного? Даю слово, кроме меня вам так о нем никто не скажет. Многие подумают, но промолчат. Лицемерие, если вы заметили, не черта моего характера.

– Вы правы. Пока я наслышан о вашем отце только хорошее.

– А кто о нем плохое скажет? Мать, которая раньше срока легла в могилу? С которой он обращался, как с вещью? Или его лучший друг Николай Павлов, которого отец довел до банкротства и самоубийства? Женщина, которую он пьяный насмерть сбил на машине? Отец, когда надо и когда не надо, шел по трупам в прямом и переносном смысле слова. Каждый доллар в его кармане – это чья-то разбитая судьба.

– Если начать глубоко копать, то многие наши олигархи не лучше, чем ваш отец. Может быть, еще и хуже. Но, насколько я знаю, отец ваш первоначальный капитал заработал не на рэке или мошенничестве, а в нефтяной отрасли, на Севере.

– О, этот Север! Как он меня достал! Всю жизнь, всю, я только и слышала от него «Север, Север, Север»! Если мужчина не был на Севере, значит, он изнеженный слюнтяй. Если его не поедали заживо комары и гнус, значит, он маменькин сыночек. Если мужик не мог залпом выпить стакан водки, отец его не считал за мужчину. А если мог выпить, то отец начинал объяснять, что настоящие мужики, как он, на этом проклятом Севере пили не водку, а спирт стаканами и талым снегом закусывали. Как-то раз Наташеньке взбренило в голову показать свою независимость, и она не придумала ничего лучше, как выйти замуж. В два щелчка она охмурила этого простофилю Валеру и представила его отцу. Просто из любопытства, разорвет его отец на месте или нет. Представьте, мой отец, «полярный герой», и мальчик-ботаник в очках. Представили? Так вот, отец когда его увидел, то смеялся до слез. С таким же успехом Наташка могла бы представить ему в качестве жениха гориллу из зоопарка. Отец его просто не воспринял как человека. Понимаете? Он этого Валеру не то чтобы за мужчину, он его за человека не воспринял. И в этом весь мой отец.

– Судя по всему, этот Валера забавный кадр.

– Он дурак, а не кадр. Разве может нормальный мужчина позволить себе жениться на девушке, которая между делом носит дизайнерское колечко стоимостью больше, чем его годовая зарплата? Что он мог предложить Наталье? Да ничего! А если ничего, то и рыпаться-то не надо. Нашел бы себе что-нибудь попроще и жил бы как человек. Да хватит о нем. Слизняк, он и в Африке слизняк.

– Инна Ралифовна, а у вас нет никаких соображений, кому мог ваш отец перейти дорогу? Так перейти, что кто-то взялся за винтовку и пошел на риск на много лет сесть в тюрьму?

– Проще сказать, кому он дорогу не перешел. А вот убить его? Ничего не приходит на ум. Наверное, в последнее время произошли какие-то события, которые стали причиной убийства. Это события последних дней. В них-то и надо искать причину. Я не думаю, что отец кому-то крупно насолил много лет назад и теперь кто-то решил за это отомстить. Нет, не то.

– А из событий последних дней ничего не приходит на ум?

– Да нет. Но учтите, что я мало информирована. Живу я отдельно, работаю отдельно. У нас, конечно же, общий круг знакомых, но не более.

– А родственники?

– Честно вам скажу, что, не дай бог, случись помереть нам с Натальей, я даже не представляю, кто бы был наследником. Отец очень редко ездил к родственникам в Башкирию. Но они никогда не приезжали к нам. Вначале не приезжали, потому что отец вечно был в отъезде, а потом, когда он окончательно вернулся, они, по-моему, сами стали просто стесняться появляться у нас. Представьте, они все там какие-то крестьяне из деревни, и отец, рвущийся в высшее общество. Но деньгами он кому-то из них иногда помогал. Но это так, кидал крошки.

– Ваш отец должен был сегодня подписать контракт об инвестиции восьмидесяти миллионов долларов в один авиастроительный проект. Вы знали об этом?

– Конечно, знала. Бюрократическая машина в фирме отца работает отменно. Мне пришло письмо с уведомлением о его намерениях. Как-никак я ведь один из совладельцев фирмы, и они обязаны уведомлять меня о таких крупных проектах. По-моему, это была пустая затея. Вложить деньги неизвестно во что. Но если бы не его смерть, то он бы подписал контракт. Ему просто некому было перечить.

– А что теперь будет с работниками, которые обслуживали дом, семью?

– Это имеет отношение к убийству?

– Это моя работа – задавать вопросы. А вообще я хочу понять атмосферу, которая была перед убийством. Познать, так сказать, расклад.

– Фаину Наташка выгонит. Остальных, наверное, оставит.

– Почему выгонит? Я видел, они довольно-таки мило общались.

– Наталья сама вести свои финансовые дела не умеет, но и допускать до них кого-либо не желает. Ей бы по уму выйти замуж за человека, который бы управлял ее капиталом, приумножал бы его, а не строить глазки коллегам по работе. Ей нужен муж-менеджер. А пока такого нет, текущими делами у нее заправляет Фаина. А у них с детства с Фаиной дорожку черная кошка перебежала. Словом, Фаина Наталье и нужна, и нет. Пока был отец живой, она с Фаиной вынуждена была мириться, а теперь, наверное, пожертвует некоей финансовой стабильностью и попрет ее. Я, наверное, путано объясняю. Попробую по-другому. У Натальи с дивидендов получалась приличная сумма. Отец опять-таки постоянно давал ей денег. Она их все с какой-то фантастической способностью тратила. Фаина же за деньгами ее присматривала, оплачивала счета, получала деньги за аренду. А теперь у Натальи появится бездонный кошелек, и сколько ни тратить, денег все равно будет полно. Зачем ей Фаина? Которая наверняка про Наталью что-то такое знает, что даже в нашей семье выходит за рамки разумного. Что-нибудь еще?

– Немного неловко спрашивать, но, как бы сказать, про ту историю, в Москве...

– Александр Геннадьевич, мне, наверное, с этого и надо было начать. Итак, на четвертом курсе института я познакомилась, сейчас уже толком не помню где, с Игорем Калининским, в определенных кругах известным как диджей Валлентино. Честно говоря, я до сих пор не пойму, чем он занимался и за что ему платили такие огромные деньги. Меня отец никогда в деньгах не обижал, но по сравнению с тем, что было у него... Словом, он мог потратить за ночь столько, сколько мне отец выделял на месяц. Что нас свело, для меня вечная загадка. Мы стали жить вместе... В общем, я с утра уходила в институт, он спал. После обеда он просыпался и шел на студию звукозаписи создавать свои музыкальные композиции, рассчитанные на девочек-малолеток с интеллектом макаки. Около десяти вечера мы встречались в каком-нибудь ночном клубе. Он уже был «под колесами»: зрачки больше глаз, весь такой бодрячок, энергия просто плещет. Где-то около часа я уезжала, а он оставался, как сам говорил, искать вдохновение. Вдохновение он искал в женщинах и еще более сильных наркотиках. К утру он, уже никакой, приползал домой и валялся спать, а я на учебу. И так изо дня в день. Всю неделю одно и то же. Но в воскресенье был «мой» день! Ради него я и жила с ним. В воскресенье мы спали до обеда, потом где-нибудь в уединенном ресторане обедали. Вечером просто гуляли по городу, ходили в театр. Не надо улыбаться, мы не пропускали ни одной значимой премьеры. Это был день, свободный от алкоголя и наркотиков. Правда, взбадривающие «колеса» он все равно глотал, но чуть-чуть. Без этих таблеток он просто не мог жить, впадал в депрессию, становился агрессивным. Я понимала, что все, что между нами, временно. Связывать свою жизнь с наркоманом – безумие. Наркомания, вопреки всем врачам, не лечится. Тягу к наркотикам можно заглушить, но навсегда избавиться от нее невозможно.

Она отпила коктейль, не спеша закурила.

– Все-таки с ним мне было интересно, хотя музыки его я не понимала и не понимаю. Но это я. А так, у нашего подъезда постоянно толклись его фанатки. Некоторые просто визжали от восторга, когда его видели. Эти девочки были для Игоря живым щитом: если бы к нам приехала

с обыском милиция, то от их воплей у подъезда мы бы сразу же узнали, что к нам непрошенные гости. Пару раз, кстати, так и было: когда милиционеры входили в квартиру, мы уже успевали все таблетки и порошки спустить в унитаз. Некоторые из поклонниц, которые посимпатичнее и без комплексов, приезжали к Игорю в ночные клубы. Я еще не успею уехать, смотрю, где-нибудь у бара мелькнет знакомая мордашка. Падок он был на девушек, ох как падок! Таблетки, которые поддерживали его психику, делали его сексуально раскрепощенным, и, как бы сказать, словом, мог он заниматься сексом часами, без усталости. Я, как женщина, со временем перестала его удовлетворять. Ему нужно было все больше и больше. Мы несколько раз здорово ссорились на эту тему, но у него всегда была отговорка: я не могу, мне постоянно надо женщину. Кстати, по воскресеньям, без наркотиков и допинга, ему не надо было ничего. Вообще ничего: ни меня, ни другой женщины. Весной 2004 года меня задержали с героином. Дело прошлое, но я и тогда и сейчас утверждаю: никакого героина у меня не было. Я сама никогда ни «колес», ни кокаина не пробовала. Хотя какие-то таблетки типа «экстази» пару раз перед дискотеккой пробовала. Но чтобы героин? Я что, похожа на сумасшедшую? Вам интересно?

– Даже очень. Я весь внимание.

– Игорек плотно сидел на кокаине, но не считал это наркоманией. В его понятии к наркотикам относились героин, опиум, морфин и все их синтетические производные, наподобие промедола. Так вот, он никогда к героину не прикасался. И как потом все считали, мне для него героин привозить было просто ни к чему. Но у меня, когда я шла в квартиру, которую мы вместе снимали, в дамской сумочке находят сразу грамм героина. Я много раз потом прикидывала и насчитала несколько мест, где мне могли его подсунуть. Причем ко мне на улице подходят милиционеры в гражданской одежде и сразу же говорят, что, мол, у вас в сумочке наркотики. В общем, они уже все заранее знали. Меня отвезли в отделение милиции, потом продержали двое суток в ИВС и отпустили под подписку о невыезде. Отцу пришлось употребить все свое влияние, чтобы прекратить это сфабрикованное в отношении меня дело.

– А Валлентино?

– Ему было наплевать на меня. Он как вел богемный образ жизни, так и не прерывался. Передачи мне в ИВС не носил. Я после освобождения из ИВС дня три отсиживалась у себя дома, на улицу носа не высывала. Что там у Игоря происходило, не знаю, но его обнаружили скончавшимся от передозировки наркотиков.

– Он умер у себя дома?

– На нашей съемной квартире. Но это все меньше и меньше имеет отношение к нашей семье. Дела давно минувших дней...

– А у вас тогда были явные враги? Такие, кто бы был способен подбросить наркотики?

– Не знаю. Я не могу назвать вообще кого-то своим врагом. А уж таким, что способен подбросить героин... Даже не могу предположить. Хотя в душу-то ведь никому не заглянешь!

Инна закурила, закинув ногу на ногу так, чтобы я мог обозреть прекрасные формы обнажившегося бедра.

– Бывает ведь так, что человек улыбается тебе, дружит с тобой, а в душе ненавидит тебя. Ведь так бывает? – серьезно спросила она.

– Всяко бывает в нашей жизни. Иногда...

У меня зазвонил телефон.

– Псылка доставлена, – сообщил Сергей.

– А подружку нашу еще не нашли?

– Девчонку? Нет, не нашли. Куда-то потерялась.

– Скоро буду, ждите.

Я убрал телефон в куртку, поднялся.

– Инна Ралифовна, я искренне был рад познакомиться с вами. Вы человек исключительно неодинарный. Честно скажу, многое из того, что вы сказали, я услышать не ожидал.

– От меня еще и не такого можно услышать. Я кошка, которая гуляет сама по себе. Мы подошли к двери, щелкнул замок.

Она обняла меня за плечи, прильнув ко мне как-то всем телом сразу, и крепко в губы поцеловала. В голову ударил томный тончайший запах ее духов, ментола и желания.

– Обещай мне, что перед тем, как лечь в постель с моей сестрой, ты будешь моим. Одну ночь до нее. Обещаешь?

– Для экзотики? Обещаю.

Я не менее пылко поцеловал ее и ушел.

Что сказать, непредсказуемые они, эти дочки сенатора. И если самому себе не врать, то я бы остался у Инны подольше. А еще забавно было бы взять да сказать ей:

– Инна Ралифовна, я, кажется, совершенно точно догадался, что в вашей семье происходило такого, что выходит за рамки разумного.

Интересно, как бы она отреагировала.

А моя рука, блуждавшая во время поцелуя по ее бедру, запомнила ощущение упругого тела под натянутым капроном. После такого расставания будет чем заняться в следующую встречу.

Если, конечно, повторится что-то похожее на сегодняшний вечер.

Порывистый ветер разогнал тучи, и над Новосибирском высыпали звезды. Конечно, не такие красивые, как звезды над Калифорнией, которых я никогда не увижу, но звезды! Звезды, чей холодный далекий свет в ледяном безмолвии летит к нам через бездну пространства и время, чей свет тысячи лет магически приковывает к себе взгляды человечества. И пещерный человек в звериных шкурах, и основатель всей европейской цивилизации царь Минос, и покойный сенатор, подняв взор к усыпанным звездами небесам, одинаково замирали в немом восхищении их красотой, силой и могуществом. Даже время, которое разрушает все на свете и меняет по своему усмотрению судьбы и цивилизации, даже оно не властно над звездами. Все, все канет в Лету, а звезды так же будут сверкать на ночном небосклоне.

Звезды звездами, а мне убийцу искать надо.

– Поехали, Владимир! – сказал я, садясь в «Тойоту». – Не соскучился? Дом хорошо запомнил? Кто-нибудь подозрительный не вертелся вокруг? Ну и хорошо!

Перед моим кабинетом встретился мрачный Щукин.

– Я домой, – поведал он.

– Что с девчонкой?

– Все материалы на нее у твоего напарника. А девчонка, вместе с ее долбаной семейкой, исчезла сразу же. Приблизительно в воскресенье. Квартира стоит пустая, куда они смылись, никто не знает. Но никуда не денется. Найдем! Кстати, зачем тебе бывший муж СарIBEКОВОЙ? И это правда, что вы его сюда на вертолете привезли?

– Отвечаю по порядку. У сенатора врагов было больше, чем блох на бродячей собаке. А этот недотепа-муженек просто со стороны мог видеть то, на что другие не обратили внимание. Он может натолкнуть на неожиданную мысль. Для этого я и велел его привезти. А так как хотелось пообщаться побыстрее, то попросил у своих боссов вертолет.

– Круто ты, Александр Геннадьевич, работаешь! Любо-дорого посмотреть!

– Не хочешь с ним побеседовать?

– Спать я пошел, Саша. Пока! До завтра!

– Счастливо!

Денек мне выдался интересный. Сколько человек мне врало, не моргнув глазом! А уж скольким соврал я! Одной Миле Перишич лапши на уши не навешал, и то потому, что она пьяная была.

Теперь вот предстоит еще один молодец. Надеюсь, последний за сегодня.

В кабинете, которым я временно владею, за моим столом сидел Сергей. Рядом с ним парень в очках лет двадцати восьми. Напротив Петр. Приехавший со мной Владимир шарил в полупустом холодильнике в надежде хоть чем-нибудь поживиться.

– Парни, на сегодня вы свободны. Сергей, а ты-то куда собрался? Кто меня до дома повезет?

– Наш друг сказал, что мы ответим за беспредел, – Сергей ткнул пальцем в гостя. – Еще он сказал, что ничего никому говорить не станет и просит адвоката.

– Какой беспредел? Ты, часом, не оторвал его от важных дел? Был ли ты с ним, Сергей Николаевич, вежлив и учтив?

– Я ничего вам говорить не буду, – пытаюсь придать своему голосу твердость, сказал гость.

– Валера, веришь, и не надо!

Он ошалело посмотрел на меня, потом обвел взглядом всех присутствующих.

– Как это не надо? А зачем тогда...

– Зачем тебя привезли в город твоей юности? Да еще на вертолете? Если я скажу, что ошиблись, ты сильно удивишься?

– Ошиблись?! Я буду жаловаться на вас.

– Есть старинная народная мудрость: «Перед тем как что-то сказать, подумай, не примут ли тебя за дурака». Так вот, подумай: тебя, неизвестно зачем, привезли сюда на вертолете. Да не на простом вертолете, а на специальном, полицейском Ми-8. Видел там внутри салона такой большой цилиндрический бак? Знаешь, зачем он? Над демонстрантами слезоточивый газ распылять. И вот я посылаю такой вертолет за тобой. И мне никто и слова поперек не говорит: ни мэр города, ни губернатор. А если путч? Если массовые беспорядки? Чем толпу травить? Как остановить погромы? Вертолет-то улетел! И после этого ты думаешь, что на меня можно кому-то пожаловаться? Жалуйся. Вот телефон, звони! Прокурору позвони! Номер подсказать?

– Я все равно никому ничего не скажу, – ответил он, понутив голову.

– Слушай меня внимательно, Валера. Итак, ты женился на Наталье. Любил ты ее или нет, я не знаю. Думаю, что не любил. Но девяносто девять из ста мужиков, наверное, поступили бы так же. Женились хотя бы из-за того, чтобы хоть на недельку почувствовать себя белым мэнном. Понятно, что потом выгонят, но ведь будет что вспомнить! Да и на дорожку с собой денег дадут. Не жлобы же они! Правильно? Сколько тебе дали? Десяточку баксами подкинули? Или рублями? Сколько отступных дали?

– Пять миллионов рублей, – гулко ответил он.

– Ну вот, а говорил, я не я, молчать буду, как партизан!

– Ни хрена себе, подженился! – восхитился Петр.

– Тихо! И так, жили вы, поживали, сенаторское добро проживали. Ничего, папа богатый, доченьке денжат всегда подкинет. Зятя, правда, за человека не считал, даже ноги об него брезговал вытереть, но это ерунда. Издержки производства. Ради такой жизни можно и потерпеть. Правда, Валера? Наташенька тебя как последнюю паскуду, ни за что ни про что, на трассе по щекам пьяная отлупила, а ты облизнулся и давай дальше вилять хвостом. Назвался груздем, полезай в кузов! Аксиома жизни. Но это ничего. И вот происходят какие-то события, которые все ставят вверх дном. Происходит что-то такое, что ты, слабачок, встал на дыбы, пошел против всего семейства и был с позором изгнан. Или ты думал, что скажешь им что-то такое, что они заткнутся и начнут тебя побаиваться? Если так, то ты крепко ошибался. Если бы ты представлял для покойного сенатора хоть малейшую опасность, то тебя бы, как только ты рыпнулся, в первой же подворотне хулиганы на нож насадили. На тебя, как на него, даже пулю бы тратить не стали. Но все равно ты решил им учинить разборки. Рискнул или решил себя мужчиной показать?

Он молчал, глядя в пол.

– А что же могло быть такое, что вывело тебя из себя? Ты застал молодую жену с любовником? Да нет. Если бы ты и вправду застал ее в постели с другим, то она бы тебе пощечин нащелкала, чтобы не приходил не вовремя, а ты бы еще и наутро прощения бы просил. Что-то другое, такое, что уж совсем ни в какие ворота не лезет. А узнал ты. – Я подошел к нему и кое-что прошептал в ухо. Совсем немного, пару предложений.

– Ведь я прав, Валера?

– Прав. Но откуда вы-то могли это узнать? – Если сказать, что он был изумлен, значит, ничего не сказать. Он был искренне и глубоко поражен, а голос его стал каким-то визгливым.

– Скажем так, мне об этом никто не говорил, но я это знаю. И честно тебе скажу, за это жену твою бывшую не презираю, хотя как нормальный человек должен был бы. Вполне возможно, я какой-то моральный урод, но такой уж есть. Кстати, при всем моем философском отношении к жизни, вот я бы у них тоже не прижился. Если бы Наташенька мне надумала по щеке съездить, то я бы так съездил, что мало бы не показалось. И тестю-хаму не побоялся бы в глаз зарядить. Мне-то, нищему, терять нечего. И ты был таким же. Только жить хотел сладенько, а не получилось!

Я закурил, пару раз затянулся и отложил сигарету на край пепельницы.

– Валера, ты не обижайся на меня, это жизнь! Теперь скажи мне, коли я прав, то ты откуда об этом узнал? Или догадался?

– На сотовый мне позвонил незнакомый мужчина. Номер был не определен. Он просто сказал, спустись, мол, возьми в почтовом ящике диск и посмотри видео. Я как замороженный спустился, посмотрел запись.

– И не нашел ничего умнее, как поехать на разборки?

– Я до сих пор не понимаю, зачем я тогда поехал к Ралифу. И еще Наталье велел туда приехать. Я хотел, чтобы они сказали, правда это или нет. В глаза им обоим хотел посмотреть.

– А по записи было непонятно, что это не фальшивка?

– Понятно, только кто в такое поверит? А если все это постановка? Все высококачественная компьютерная подделка?

– Зачем? Чтобы лишить самую завидную пассию Западной Сибири такого замечательного мужа? Или чтобы лишить сенатора и миллиардера такого великолепного зятя? Ты вообще понимаешь, что чушь несешь? Кому ты нужен? А, Валера? И чего же ты добился? Что тебя как одно использованное изделие откинули? Да, жизнь причудлива.

– А вы бы как поступили? – обиженно спросил он.

– Не знаю. Врать не буду. И так целый день вру. И мне все врут. Но на разборки бы точно не полез. Валера, там, на диске, события примерно десятилетней давности?

– Примерно да.

– Происходят в особняке?

– Да. У него...

– Где диск? – перебил я вдруг разговарившегося гостя.

– Сарбеков его при мне разломал.

– Так ты еще и диск с собой привез? Круто. Типа чтобы они тоже посмотрели? Молодость вспомнили? Бред какой-то. Ладно, ты, Валера, свободен. Поезжай домой.

– Как домой?! Это все?

– Конечно, все. Я же не монстр какой-нибудь, целую ночь человека в милиции держать. А что ты мне еще можешь рассказать, подробности видеозаписи? Не надо. Я не хочу это знать. Или ты, может быть, расскажешь, кто убил сенатора? Кто?

– Не знаю. Даже не догадываюсь.

– Ну, тогда до свидания, дорогой друг! Поезжай в славный город Кемерово и живи там тихо, как сверчок за печкой. Сам ведь знаешь, Наташенька – психопатка. Она ведь не только по щекам бить умеет. И денег в их семейке нисколько не убавилось. Ляпнешь лишнее где-нибудь

пьяный, тут-то и нарисуешься снайперу на прицел. Кто-то действующего сенатора пристрелить не побоялся, а уж тебя, как таракана, тапкой прихлопнут. Да ты и сам об этом знаешь!

– А на чем мне домой добираться? Сейчас, ночью?

– В смысле, где вертолет? Вертолет улетел. Так что ты сам решай, на чем тебе домой добираться. Переночуй на вокзале, а утром на рейсовом автобусе. Дать денег на автобус?

– Не надо, – процедил он со злостью сквозь зубы. – Сам бы ты тоже поменьше в их дела лез. Ты-то ведь тоже от пули не заговоренный. – Глаза его набухли непрошеными слезами, и был он близок к истерике.

– Насчет пули ты прав. Могут и меня хлопнуть. Но у меня работа такая, совать нос в чужие дела. Володя, проводи гостя до крыльца, вызови ему такси до вокзала, вот тысяча, ему хватит.

В полной тишине он дошел до двери.

– Валера, – сказал я, когда он уже практически вышел, – мне сегодня несколько человек сказали, что ты слизняк. Ты знаешь, они были правы! Ты и правда слизняк!

Он что-то пробурчал под нос и ушел.

– С чего это ты решил его напоследок добить? – как-то задумчиво спросил Сергей.

– Не знаю. Я устал, Серёга, весь день на нервах. Весь день, как в помойке копаюсь. А тут еще это чудо в перьях. Не зря его Сарибеков за человека не считал.

– Повесится еще.

– Плевать. Пусть вешается. Боже мой, опять ночь на дворе, а мы все еще на работе! Завтра всем разрешаю прибыть к десяти. На утреннее совещание не ходите, я отбрешусь как-нибудь. Сергей, поехали!

Перед сном я пообщался с компьютером, дал задание Главному серверу и лег спать.

4

Ночью мне снилась Фаина в черной монашеской одежде. Она из-под складок балахона обнажала блестящее лезвие кривого кинжала, скалила прогнившие зубы и грозила мне тощим кривым пальцем с загнутым стальным ногтем.

Словом, проснулся я плохо отдохнувшим. Сделав пару глотков холодного вчерашнего чая, включил компьютер, проверил сообщения. Первое же из них в расшифрованном виде гласило:

«Клементьеву. На совещании авиастроительного комитета корпорации „Rolls-Royce“ принято решение о приостановлении инициативных разработок перспективного двигателя для истребителя пятого плюс поколения. Активизируйтесь».

Активизируйтесь! Можно подумать, я тут целыми днями с сенаторскими дочками коктейли пью, прогуливаюсь по городу да стишки про любовь сочиняю. Хорошо им там, в Москве! Только указания посылай.

Да и «Роллс-Ройс» хорош! В первый же рабочий день недели решение приняли. Без всякой там пресловутой английской бюрократии собрали нужных людей и подписали итоговый протокол. Ах, да! Вы, наверное, думали, что «Роллс-Ройс» – это фирма, которая шикарные автомобили для богачей выпускает? Угадали. Только вот автомобили – это ничтожный сектор продукции «Роллс-Ройс», одного из мировых лидеров в производстве авиационных двигателей.

– У нас неприятности? – спросил, выходя из ванной, Сергей.

– Утро, как известно, добрым не бывает. Неприятности прогнозируемые: мелкие, но пакостные. Продолжающиеся происки английских плутократов. Они, видите ли, решили притормозить разработку новейшего авиационного двигателя. Ты, кстати, где вчера этого Валерика подцепил?

– Его местные менты мне прямо к вертолету привезли. Видел бы ты, какие у них глаза были! А вот где они его отыскивали, я уже не знаю. Противный тип, скользкий. Геннадьевич, ты не крути, скажи честно – нам обещают ягодицы кожаным ремнем поддурманивать? Или еще хуже?

– Сам почитай, – я показал ему на ноутбук, – посмотри фотографии. Я вчера телефоном больше сотни кадров отснял. Кстати, кофе кончается. Парадокс какой-то: мы в этой комнате почти не бываем, но кофе куда-то исчезает. Может, горничная отсыпает? Пройдется по номерам, баночку себе натрясет. Все какой-то навар.

– Поставь аппаратуру наблюдения.

– Проще кофе купить. Пусть угощается любезная. Но к делу. Я специально выделил утро, чтобы с тобой кое-что обсудить.

Сергей щелкнул зажигалкой, закурил, наливая утренний кофе.

– Да я бы тоже не отказался, чтобы ты кое в чем меня просветил. Если сочтешь нужным, конечно же.

– Я понял, о чем ты. Итак, что мы имеем? Инна Ралифовна в разговоре мне совсем непрозрачно намекнула, что в их семье происходило что-то, что выходит за рамки обычного. Причем происходило это что-то в прошедшем времени. Послушай.

Из компьютера раздался немного искаженный голос Инны: «...Зачем ей Фаина? Которая наверняка про Наталью что-то такое знает, что даже в нашей семье выходит за рамки разумного».

– Она совершенно четко, умышленно дает понять, что события происходили в прошлом. Что связаны они были с ее отцом, личностью совершенно отрицательной, и сестрой, пьяницей

и похотливой девкой, к тому же взбалмошной и недалекого ума. Заметь, мне, первому встречному, она крайне отрицательно характеризует двух самых ей близких людей. Отец, понятно, отработанный материал, про него можно всякую гадость говорить. Но сестра-то жива-здоровая! И Инна за весь вечер о ней ни слова хорошего не сказала. И еще, Фаина отчитывается ей о происходящем в отчем доме. Это Инна не специально сказала, а совершенно случайно оговорилась. Представь, на Фаине была часть организации похорон, теперь отъезд вдовы плюс повседневные заботы. Она должна крутиться как белка в колесе, но находит время для доклада. У них, несмотря на все трудности, налажен регулярный канал связи. Но это так, между делом. Теперь смотри сюда и помни, что я даже на страшном суде откажусь, что тебе все это говорил и показывал.

Заинтригованный Сергей просмотрел на ноутбуке серии «забавных» картинок с компьютера сенатора Сарибекова. Сюжет у них достаточно одинаков: мужчина (вот тут правда определенное разнообразие возрастов и комплекций) остается один на один с девочкой лет четырнадцати-пятнадцати, худенькой, длинноволосой блондинкой, и занимается с ней сексом. В принципе всё. Ничего сверхъестественного.

– Оригинальное хобби у покойного. Но, в общем-то...

– А ты посмотри, как они все называются. Перевести с английского?

– Инцест? Это все отцы и дочери?

– Это все плод фантазий сексуально озабоченных компьютерных программистов. Это все виртуально и не существует в материальном мире. Но это всего лишь предложение на спрос. Это вторичный продукт. Таким, как сенатор, нужно взбадривать себя картинками на тему откровенного лоликаона, и в Интернете они находят полный спектр сюжетов. А чтобы объяснить, почему происходит секс между зрелым мужчиной и девочкой, чтобы можно было бы сразу же приступить к делу, не разъясняя, где они встретились и кто такие, производители их называют отцом и дочерью. То есть девочка всегда намного младше мужчины. Каждый, кто смотрит на такую картинку, сам примерно прикидывает, сколько ему, а сколько ей лет. В этом вся суть компьютерного инцеста, а не в том, что они единокровные родственники. Понятно?

– То есть наш покойный друг коллекционировал именно такие сюжеты?

– Их больше ста. В некоторых, как исключение, девочки не блондинки, но суть та же. Худенькие, с маленькой развивающейся грудью, ровненькие ножки. Словом, все однотипные. На мужиков внимания не обращай, они тут просто фон. Тему понял?

– Немного понял. Сенатору нравились девочки определенного типа, и он, как мы убедились, не чурался их и наяву. Поэтому позавчера ты сразу же сказал, что тут замешана девчонка лет пятнадцати, худенькая блондинка. Никто не мог понять, откуда ты догадался про девчонку, да еще так точно, а ты по картинкам сделал абсолютно правильный вывод. Честно тебе скажу, не каждому дано по случайным картинкам смоделировать ситуацию.

– Я просто поставил себя на его место, дальше выводы напрашивались сами собой. Теперь далее. Сенатор в общепринятом смысле аморальный тип. Родная дочь, Инна, характеризует его как исчадие ада. Согласен?

– С тем, что он аморальный тип? Согласен. Насчет исчадия не знаю.

– А теперь я разверну тебе сюжет в другую сторону. Смотри!

Он посмотрел на фотографию семьи на отдыхе. Ту, которую я переснял в библиотеке сенатора. Отец, мать, дочери.

Без всяких комментариев я постучал по изображению Натальи.

– Никого не напоминает?

– Мать его! Она точь-в-точь как на картинках. Как будто бы она была моделью для всех остальных. Ты хочешь сказать...

– Сергей, я ничего не хочу сказать, кроме того, что дочь сенатора определенно в его сексуальном вкусе. Все! Остальное додумывай сам. Сложи в одну корзину аморальные устои

покойного, Север, мужчину, изголодавшегося по сексу, нефть, спирт, комаров и морозы. Ему некогда искать девочку из сладострастных фантазий. И искать-то ее не надо, она рядом. Она живет у него дома. Сенатору надо просто переступить через какие-то моральные принципы, которые, заметь, неизвестно, кто выдумал. Кому-то это нельзя, а кому-то можно. Все дело не в отношениях отец-дочь, а в том, как на это посмотрят окружающие. И он плюет на все условности, он всегда плевал на них, и делает свою дочь своей тайной любовницей. Я это понял вчера днем. Но Инна меня настойчиво подталкивала к этому вечером. Намекала. Почему? Не знаю.

– Теперь про Валеру.

– Что мне нравится в тебе, дружище, так это твоя невозмутимость.

– А я должен был за сердце схватиться? Необычайно все это, но и не вершина пошлости.

– Итак, у нас есть бывший муж. Его совместно изгоняют собственная жена и тесть.

Почему? Потому что он пошел против них обоих как единого целого. Он что-то узнает такое, что связывает отца и дочь. Сейчас тебе понятно, что их связывает? Оставалось привезти бывшего мужа сюда. Остальное – дело техники. Об остальном я уже догадался, ну а он просто все подтвердил. Кто-то подкинул ему видеозапись полового акта отца и дочери. Причем события на записи примерно десятилетней давности. Валера не нашел ничего более лучшего, как ринуться к ним обоим с разборками. За что и был с позором изгнан.

– Ты думаешь, у них это все было только в прошлом?

– Уверен. Наталья неизбежно повзрослела и стала выбиваться из его вкуса, а у сенатора появилось все: время, деньги, возможности. Тут он мог позволить себе каких хочешь девочек. Любых девочек, в прямом смысле слова. Вспомни рассказ этого пьяницы Петрова: среди дня он останавливается посреди города и знакомится с очередной несовершеннолетней любовницей.

– Прямо как Берия.

– Может, под Берия и шарил. Кто его знает. Но суть не в этом.

– Кстати, ты во всем поверил этому бывшему мужу?

– Он просто подтвердил мои догадки. Ну, про то, что ему подкинули диск, я не знал, но понял, что каким-то образом его во всем просветили. Он только про детали проболтался. Они, конечно же, важны, но не принципиальны. Кстати, вопрос, который для меня принципиален: как теперь-то ты будешь к Наталье относиться? Все-таки с ней еще придется встречаться.

– Мне с ней в загс не идти. Геннадьевич, поверь, по мне никто ничего не поймет. Я глух как могила. Я же понимаю, на что ты пошел, рассказав мне все. Мог бы из себя умника строить, да не стал. Все по-мужицки. И еще, Геннадьевич, коли на то пошло, то тебя на эти мысли Главный сервер натолкнул? Он что, правда может, как человек, общаться?

– Нет, догадался-то я сам. А про Главный сервер ничего рассказывать не буду. Уверен, скоро сам к нему доступ получишь. Ну, слушай далее. Далее забавнее: у нас есть некто. Этот некто знает, что отец и дочь занимаются сексом. Этот некто имеет возможность установить в доме Сарибекowych записывающую скрытую видеоаппаратуру. Он знает, и он имеет возможность. Круг не очень большой. Этот некто тот, кто вхож в его семью. В его дом. В его ближайшее окружение. Этот некто долгое время хранит запись у себя. Сарибеков со временем становится сенатором. Опубликование этой видеозаписи однозначно будет означать политическую смерть Сарибекова как общественного деятеля. Как только недоброжелатели узнают о событиях на видеозаписи, Сарибеков превращается в политический труп. Все, с ним будет навсегда покончено. Посадить, конечно же, не посадят, но дело уголовное точно возбудят.

– Он же все будет отрицать! У него связи, деньги. Пойди-ка, докажи!

– Толку-то! От таких помоев до конца жизни не отмоешься. Вспомни историю с «человеком, похожим на генерального прокурора». Взрослый мужик, в неслужебное время валяется на кровати с двумя проститутками. Ситуация куда безобиднее этой. Результат – вылетел со всех должностей. А связи? Да знакомые сенатора первыми от него отрекутся. Кому охота в такое

дерьмо влезать? Все друзья-приятели, как крысы с корабля, побегут. Но не в этом суть, Сергей! Видеозапись показывают только такому ничтожеству, как муж Валера. Почему? Почему не врагам сенатора? Почему эту запись не используют для шантажа? Почему не подсовывают его жене? Хотя, впрочем, она могла знать, да помалкивать. Я, кстати, жену имею в виду настоящую, мать его детей, а не Милу. Тут одни вопросы. Но есть и один ответ: они подсовывают запись мужу. Юридическому мужу.

– Это ничтожество могло играть самостоятельную роль?

– Он играл роль мужа. Муж, как я понимаю, потенциальный отец ребенка. Наталья могла родить, и родить в законном браке. Больше мне ничего не приходит на ум. Нет у меня других версий.

– Убрав мужа, некто избавился от потенциального ребенка Натальи? Смысл?

– Ребенок – прямой наследник Натальи. Он внук Сарибекова и его наследник тоже. Вся доля Натальи – это доля ее ребенка. Я не большой специалист в наследственных делах, но тут большого ума-то и не требуется. Если выбить из колоды потенциального отца, то число наследников уменьшается.

– Ты полагаешь, Наталья могла бы родить?

– Почему бы и нет? Она девушка непредсказуемая, могла и на такой шаг пойти. Сам посуди, ей что, пеленки самой стирать?

– Ну, об этом-то я не подумал. Точно, ей только родить самой, а там десяток нянек всегда найдут. Все равно муть какая-то.

– Муть не муть, но таковы события. И еще, возможно, очень важное в этой истории. Валера все равно бы проболтался про запись Наталье. Понятно, та побежала бы к отцу. Разборки были обеспечены, а судьба Валеры предрешена. И вот этой записью кто-то демонстративно плюет в лицо сенатору. А заодно и Наталье. Есть в этом оттенок какой-то личной, издевательской мести. Это как удар под дых. Если у тебя есть еще какое-то объяснение, то выкладывай.

– Свежих предположений нет. Но само убийство и все это...

– Все это связано между собой, связано страстью сенатора к девочкам. Заметь, есть некто, кто знает про инцест, и есть некто, кто знает про тайную квартиру. Он, некто, из ближнего круга. Он давно в этом круге. Никто на ум не приходит?

– Фаина?!

– Она и у меня кандидат номер один. Подходит по всем параметрам. Абсолютно по всем. Предположим, чисто теоретически, как в запутанном английском детективе, что Фаина родственница Сарибековым.

– А почему бы и нет? Она, кстати, какая-то не очень русская.

– Вот и я о том. Она теоретически может быть наследницей. А может продвигать какого-то таинственного наследника, быть его покровителем. Теперь, жена Сарибекова умерла, Мила с самого начала не в счет. Мужа выгнали, и, следовательно, ребенка-наследника нет. Сарибекова убивают, и наследников остается двое. Их можно отравить, взорвать, подстроить автостастрофу. Остается наследником тот, про которого сами сестры ничего не знают. Например, Фаина. А мы не знаем, откуда появилась Фаина и кто она такая на самом деле.

– А убийство?

– Сенатор решил вложить в наш авиапром восемьдесят миллионов долларов. Нам с тобой от этого ни холодно, ни жарко. Хочет – яхту покупает, хочет – развивает перспективные направления двигателестроения. У богатых свои причуды. Так? Нет, не так. Купленная яхта останется у него в наследственной массе, а перспективные исследования в авиастроении – собственность государства. Сарибеков вчера должен был подписать контракт, и все восемьдесят миллионов полновесных американских долларов уже вчера становились бы собственностью государственных авиастроительных корпораций. Наследники их лишились бы прямо вчера. Они лишились

бы целых двадцати четырех процентов, практически четверти от всего капитала. У государства, сам понимаешь, кусок из зубов не выдернуть никому. А вот Саробекова прихлопнуть можно. И деньги останутся в семье. Итого цена жизни видного политического деятеля, сенатора и бизнесмена, милой души человека, отца двух прелюбных дочерей – всего восемьдесят миллионов долларов. Но это, Сергей, только моя версия. Может быть, все совсем иначе. Вполне возможно, иностранные разведки, убив Саробекова, наносят удар по нашей авиационной промышленности, а заодно экономят своим авиационным корпорациям гигантские суммы. Все может быть. Возможно, его убийство и вся эта история с видеозаписью никак между собой не связаны. Ничего нельзя исключать, ни одной мелочи. И мы, к сожалению, пока не видим всей картины в целом. Мы пока впопыхах нащупываем нить правды. Тут ты прав – муть. Одна сплошная муть.

– Ладно, Александр Геннадьевич, разберемся! Кстати, у нас на Западе кто следующий «друг»?

– Я думаю, «Дженерал дайнемикс». Пора и американцам нам свинью подложить, а то все одни англичане подличают. Как-то однобоко получается. Теперь, наверное, их очередь. Ну, поехали на работу!

И в это время у меня запищал телефон, извещая о получении SMS-сообщения. Номер адресата мне был знаком, так как это мой собственный телефон, который я сдал на работе перед отъездом. Сообщение состояло из одной цифры и означало, что на ноутбук направлено новое срочное сообщение.

Я расшифровал его:

«Клементьеву. Эмори Кейси в 4.00 московского времени прибыл charterным рейсом из Лондона в аэропорт „Шереметьево“. Официальная цель – туризм. Возможно, направится в Новосибирск».

– Это что за гусь? – спросил Сергей, указывая на монитор ноутбука.

– Заместитель директора департамента информации авиационного сектора «Бритиш Аэропейс системс». Проще говоря, главный шпион в области промышленного шпионажа. Его только, родимого, нам не хватало. И ведь хватит у него, подлеца, совести, припрется в Новосибирск посмотреть на местные достопримечательности.

– А они тут есть, что ли?

– Такой, как Эмори Кейси, найдет. Памятник Ленину для семейного альбома сфотографирует или церковь посетит на Красном проспекте. А там, между делом, с нужными людьми встретится и на посошок украдет что-нибудь ценное. Это он умеет. Профессионал высшего класса. Только его-то нам и не хватало для полного счастья!

– Что за жизнь такая! – вздохнул Сергей. – Своих воров полным-полно, тут еще и английский нарисует!

– Ладно, поехали. Переживем мы нашествие этого Эмори Кейси, мать его, и его «Бритиш Аэропейс»!

– Знаешь, что я думаю по поводу всей этой истории с малолетней любовницей Саробекова? – сказал мне Сергей в автомобиле, когда мы уже подъезжали к ГУВД. – А ведь он в сенате наверняка голосовал за принятие законов, ужесточающих наказание за педофилию. Он что, ничего не боялся?

– Это он за законы для нас с тобой голосовал. Ему самому бояться было нечего – у него сенатская неприкосновенность, деньги, связи – развлекайся, как душа пожелает!

– Кстати, а почему у нас ни одного цыгана не привлекают за педофилию? У них ведь в открытую женятся на тринадцатилетних, четырнадцатилетних?

– Потому что цыгане вне морали и вне закона. Им все можно: торговать наркотиками, воровать, жениться на двенадцатилетних, мочиться посреди улицы. И с ними никто ничего не хочет делать. Один попробовал навести порядок в этом вопросе, плохо кончил.

– Сарибеков – башкир, мусульманин. Может, у мусульман принято...

– У мусульман много чего принято. Только у Сарибекова жена русская, свинину кушал, водку пил, значит, он как бы русский. Душой он наш. Да и как он мог по-другому, если всю жизнь прожил среди русских, да еще при безбожной советской власти? Все на партсобрание, а он коврик постелет и давай лицом к Мекке поклоны отвешивать? Пока коммунисты у власти были, он мусульманином не был.

– Да они, мусульмане, по-моему, все водку пьют. Ни одного не знаю, кто бы от рюмочки отказался.

– И я ни одного не встречал. О, вот оно, славное ГУВД Новосибирской области. Вон там и паркуйся, пока место есть.

Щукина я застал одного. Он задумчиво покуривал, сбрасывая пепел в старую стеклянную пепельницу, которая совершенно не вписывалась в современный интерьер кабинета. Предвосхищая мой возможный вопрос, он, жестом предложив мне сесть, сказал:

– Подарок хорошего друга. Уже много лет вожу ее за собой по кабинетам. Талисман. Что нового?

– Денис Юрьевич! У тебя в подчинении целая гвардия оперов, а ты у меня новости спрашиваешь? Ну, виделся я с вдовой и старшей дочерью. Рассказать? Слушай!

Я поведал ему должное. Выводы оставил при себе.

– Да, не густо. У меня, кстати, новостей тоже кот наплакал. Про девчонку рассказать? Она из бедной семьи. Фамилия Максимовы. Отец, судя по всему, доморощенный алкоголик, мать не лучше. Есть в семье еще один ребенок, мальчик три года. Весь какой-то больной, дома сидит. Мать последние два года работала в фирме Сарибекова, полы там мыла. Девочка вполне могла приходить к маме на работу помогать. В таких семьях частенько бывает, что мать запьет, а дочка, чтобы ее с работы не выгнали, идет за нее полы мыть. Многие дети так делают. Ну и все! Попалась Машенька сенатору на глаза, и они друг друга «полюбили». Кстати, мать уволилась приблизительно сразу же, как они познакомились. Он ее тут же убрал с глаз долой, а через дочку всю их ораву содержал. Но это все так, предположительно. Достоверно то, что мать Максимовой Марии Александровны у него работала. Вот фотография матери. Вот всей семьи. Вот отдельно девчонки.

– Скорее всего, так оно и было. Тут они узнали про убийство и сделали ноги, от греха подальше. Залегли на дно. Что же, логично. Где фотографии взяли?

– Пошутил? Или не знаешь, как в квартиры попадают? Ты еще про санкцию суда спроси!

– Понял, вопрос некорректный. Больше у них дома ничего интересного нет?

– Совершенно! Тебе приходилось бывать в квартирах, где не пропили все только самое необходимое? Вот это как раз тот случай. Вещи у девчонки кое-какие приличные остались, остальные шмотки можно сразу же на свалку выкидывать. Телевизор у них, ты не поверишь, черно-белый, ламповый.

– На девчонку случайно сотовый телефон не оформлен?

– Оформлен. Сейчас распечатку телефонных переговоров привезут. Совершенно уверен, что это ее личный телефон, для подруг. С сенатором она по какому-то другому телефону связывалась. Кстати, не удивляйся, у мамы тоже есть сотовый телефон.

– Да сенатору жалко, что ли, телефонов? Он мог бы и всему подъезду прикупить. Почему-то я так примерно и думал. Девочка из бедной семьи совершенно доступна. Для нее и тысяча рублей большие деньги. А он ее обул, одел, карманные деньги дал. Наверняка и за квартиру весь долг погасил. На продукты выделил. Для нее он сказочный принц на белом коне.

– Совершенно точно, Александр Геннадьевич. Около года назад Максимовы разом заплатили трехлетний долг по квартплате. Деньги у них внезапно появились, как мать уволилась с работы. Как бы выходное пособие получила.

– Денис Юрьевич, ты сам видишь, мамаша девчонки в этой игре отпадает. Никто бы не доверил ей в тайной квартире порядок наводить. У нас остается один кандидат – Фаина. Распорядись установить за ней наружное наблюдение. Начнем ее разрабатывать.

– Слежку за ней я, конечно же, организую, но будет ли толк? У нас на нее пока совершенно ничего нет. У тебя есть какие-то конкретные подозрения, факты? У меня тоже нет. А случись чего, Городилов потребует фактов. Он всё лично на контроле держит.

– Кстати, а чего он так в это дело вцепился? Хочет снискать себе лавры лучшего прокурора в России? Или он просто как друг семьи покойного жаждет отомстить за смерть старшего товарища?

– И то, и другое, и третье. Он и не скрывает, что был с покойным на дружеской ноге. Теперь для него «дело чести» найти убийцу. И в карьерном плане, приложив руку к раскрытию убийства, он только выиграет. И нам всем, пока мы подконтрольны ему на время следствия, он все нервы вытреплет и покажет, кому мы, менты, кланяться должны. Кнут надзора у него в руках. И Городилов, кстати, откровенно считает, что мы в последнее время от рук отбились и стали себе позволять самостоятельно мыслить. Стали без их прокурорской указки независимо кое-что делать. Для него это как личный вызов. Он-то привык о нас ноги вытирать, а тут холопы голову посмели поднять. И заметь, Александр Геннадьевич, этот благородный прокурор – выходец из наших же рядов. Бывший гаишник. Вот и глумится, сволочь, теперь над нами, как хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.